

АЛЕКСАНДР МИНЧЕНКОВ

В ДЕБРЯХ УРМАНА

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Сибирский приключенческий роман

Александр Минченков

В дебрях урмана

«ВЕЧЕ»

2019

Минченков А. М.

В дебрях урмана / А. М. Минченков — «ВЕЧЕ»,
2019 — (Сибирский приключенческий роман)

ISBN 978-5-4484-7808-6

С тех пор как люди полюбили золото, возник соблазн иметь его как можно больше, стать богаче других, жить в роскоши. Авантюрные замыслы, витавшие в умах преступников, воплощались в разбойничьи налёты и дерзкие ограбления. Бандиты не терзались совестью и не боялись Бога. Кровавые драмы, разыгрывавшиеся на приисках таёжной Сибири, и легли в основу этого повествования.

ISBN 978-5-4484-7808-6

© Минченков А. М., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	18
Глава 6	20
Глава 7	22
Глава 8	28
Глава 9	30
Глава 10	32
Глава 11	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Михайлович Минченков

В дебрях урмана

© Минченков А.М., 2019

© ООО «Издательство «Вече», 2019

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

Глава 1

В тёплый майский день в городском парке в уединённом месте на лавочке сидели двое мужчин. Одному лет под тридцать, второй выглядел моложе.

Со стороны можно было подумать: приятели нашли тихий уголок, присели отдохнуть, подышать воздухом, наполненным ароматом распутившейся зелени, полюбоваться и порадоваться весне, которая уже господствовала в полную силу, и повсеместно ощущалось приближение долгожданного после сибирской зимы лета.

Однако это было не так, этим двум собеседникам не до весеннего пейзажа, они были поглощены разговором отнюдь не лирикой о природе.

– Ты знаешь, Борька, а я рад встрече, – сказал тот, что младше по возрасту другого.

– Как освободился, чем занимался? – Борис, шурясь от солнца, глянул на собеседника.

– Ничем, мотался туда-сюда.

– И всё ж, Тихон, руки к чему-то ведь прилагал?

– Да не особо, то там, то сям, а меж делами присматриваюсь, куда податься да чем основательно заняться. Друзей нет, а какие были, так сторонятся – не желают с бывшим зэком якшаться, – ухмыльнулся Тихон.

– Понятно. Значит, человек свободный, ни семьи, ни кола ни двора.

– Почему, угол есть, правда, не свой – комнату снимаю, в запасе копеечка имеется. А ты чем дышишь? Ведь как с тобой расстались, сколь воды утекло.

– Хвастаться нечем, мало-помалу гребу денежку грузчиком в порту. Предлагали местные бандюги бригаду домушников возглавить, пошёл в отрез. Поразмыслил: ни к чему пока такое баловство, в случае чего это ж опять зона.

– Да колонии я тоже нахлебался и ухарей и беспредела разного насмотрелся, натёр бока на пальмах. Но и там жить можно, если с башкой дружить и не расслабляться.

– Можно, но на воле как-то проще – жизнь другая во всех смыслах. – Борис развёл в стороны руки и глубоко вдохнул воздух. – Смотри, могу подсобить с трудоустройством, в бригаде люди меняются словно перчатки.

– А что так?

– Кого за пьянку и прогулы выгоняют, другие не выдерживают, увольняются – труд-то нелёгкий, это ж не цветочками на рынке торговать.

– Здесь с постоянной работой повременю. Дядька звал меня к себе на Ленские прииски, вот и размышляю, может, в родные места отправиться. – Тихон слегка закусил нижнюю губу – вспомнил о родителях, родной поселковый домишко.

А вспоминать и было что и вроде нечего. Родился в приисковом посёлке, подросток, бегал с одноклассниками по улицам, в игры разные играли, порой хулиганили, не без этого, пришло время и в школу отправили, начальное образование получил, хотя учился без особой охотки. К школе относился так, лишь бы день прошёл, за баловство и пропуски уроков родителей в школу часто вызывали, попадало, но и наказания не помогали. В среднюю школу уже не ходил – в 1941 году началась война. Отца призвали на фронт, а мать трудовую лямку тянула, с утра до позднего вечера работала. Приходила домой и валилась с ног, от усталости и горя, причиной которому стала скорая гибель мужа, руки совсем не доходили до сына, глядела, лишь бы он сыт был, а сама впроголодь днями маялась.

А вскоре и мать слегла, долго болела, соседи поначалу помогали, кто хлеба подаст, кто картошкой угостит. Недолго тянула – померла, ушла из жизни тихо и внезапно, не успев и слова последнего сказать сыну, и остался Тихон один как перст. Дядька, двоюродный брат отца, пожалел парня, взял к себе, а жил он один бобылём. Родительский дом продали, и переехал

Тихон со своими вещичками к дядьке – Крохину Николаю Петровичу. На фронт его не взяли, у него была бронь, как на специалиста, потребного для горно-поисковых работ.

Крохин после окончания горного техникума работал геологом на золотодобывающем участке прииска. С женитьбой как-то у него не клеилось. То с одной дамой сердца сойдётся, то с другой – характером не сходились, к тому ж дети не рождались. А как узнал от врачей, что он бесплодный, так и вовсе женитьбу отбросил, по девкам да незамужним женщинам начал похаживать, вином и водкой баловаться. Но алкоголем не злоупотреблял, дорожил работой, копил деньги – хотел, как выйдет на пенсию, выехать из района куда-либо, купить дом, а пока каждый год, это уже после войны, ездил отдыхать дикарём на Чёрное море.

Тихон стал совершеннолетним, но пока жил у дяди, время ж проводил как сам по себе, временами подрабатывал, а улица с друзьями являлись для него вторым домом. Чужие огороды были своими – стырить морковь или в теплицах снять огурцы с помидорами – это было в норме вещей и не вроде забавы, а в дом волок. Крохин огород имел небольшой, но на нём, окромя картофеля, ничего не выращивал. Если же в доме появлялись какие-то овощи, племянника не спрашивал, полагая они им куплены, либо догадывался, что ворованные, и не ворчал. А иной раз дядька на такое неразумно наставлял: «Правильно, где что близко чужое лежит, надо брать как своё, но с оглядкой».

С напарником-одногодкой Никитой Соболевым раз залезли через окно в один из домов, стащили из комода пару сотен рублей – деньги немалые. Поделили поровну. Понравился лёгкий «заработок». Замыслили повторить – ограбить ещё кого-либо, присматривались. Никита Соболев жил с матерью без отца, его в шахте завалило. Матери было некогда заниматься с сыном – вся в работе с утра до вечера и на дом работу брала – стирала бельё, что-либо шила. Нужда заставляла – троих детей на ноги поднимать надо было, надеялась, что Никита вот-вот на работу устроится и всё легче будет.

Но затею проникнуть в другой дом друга решили отложить, хотя и приглянули хату одного одинокого старателя. А пришла мысль иная, дерзкая – залезть в поселковый магазин промышленных товаров, а там, в витринах часы наручные и дорогостоящие украшения – золотые кольца и цепочки, серёжки с самоцветами, кулоны, одним словом, драгоценности. Идея эта пришла Тихону, и Никита её сразу подхватил. В случае удачи – это же богатство, целое состояние! Встал вопрос: как? А тут уже смекалку проявил Никита, предложив ночью забраться на чердак магазина и разобрать печную трубу, спуститься в проём, а тут уж дело техники. В долгий ящик откладывать не стали, в один из будних дней перед выходным днём магазина и решили осуществить план.

Магазин промтоваров, как, впрочем, и все магазины посёлка, сигнализации не имел. Закрывались окна массивными ставнями на петлях, на них накладывались поперечные металлические перекладыны со штырём на конце, который вставлялся через отверстие в стене и он закреплялся внутри помещения; входные же двери в магазин закрывались на массивный замок и опечатывались. Такие замки все называли амбарными. Сторожа были, но они, делая абы как осмотры территории, заходили в сторожку и пили чай, глубокой же ночью кое-кто и засыпал, не без этого. Но тем не менее случаев ограблений магазинов и киосков в посёлке никогда не было.

Тихон сказал дядьке, что пойдёт ночевать к другу, Никита матери соврал так же. А раз так, то и никто и не кинется искать их ночью.

Дело было в конце августа, небосвод темнел рано, улицы становились безлюдны. На чердак магазина забраться пара пустяков – убедившись, что сторож в своей каморке, в торце деревянного здания стояла противопожарная лестница, по ней оба и проскользнули под крышу.

Кирпичная труба сложена с раствором глины и не особо прочно, а посему кирпичи с лёгкостью поддавались даже под небольшим нажимом, словно большие кубики, только тяжелее, чем деревянные. Работали бесшумно, металлическую трубу, что стояла на кирпичной кладке, осторожно сняли и опёрли на перекрытие, теперь ничто не мешало разобрать дымоход.

Когда же наконец труд увенчался успехом, друзья оценили, что лаз готов, и по нему спустились на печь, с неё прыгнули на пол. Зная, что окажутся в абсолютном мраке, прихватили с собой электрический фонарик. К нему взяли даже запасную лампочку, вдруг перегорит.

Когда же подошли к витринам с драгоценностями, оба восторгались: вот оно! Выдвинув витраж, спешно стали ссыпать всё, что попадало под руки, в брезентовую сумку. Времени на это ушло немного, и нужно было поторопиться убраться восвояси. Со сноровкой и помогая друг другу поднялись на чердак. Прислушались – всё тихо. Спустились по лестнице во двор, в сторожке горел свет, но сторож, вероятно, дремал. Бежали задворками, осмотрительно озираясь по сторонам. На пути только раз всполошилась в одном из дворов собака, она взялась вялым лаем, но вскоре затихла. Достигнув дома Никиты, решили сумку с содержимым пока спрятать в сарае. Вырыли небольшую ямку, положили краденое, накрыли кусочком фанеры и присыпали землёй.

На следующий день местная милиция была во всеоружии. Вопиющая кража! Кто злоумышленники? Где краденое? Работники магазина принялись проводить ревизию, следовало знать: что конкретно и на какую сумму похищено. Тихон же с Никитой затаились и выжидали, чем закончится шумиха.

Поиски грабителей велись интенсивно, «ворошили» всевозможные версии, высказывались подозрения на тех или иных лиц, особо ранее судимых, опрашивали местных жителей, надеясь – что-то просочится. Но тщетно, грабители и ценности как в воду канули. Через неделю вроде как страсти поутихли, но это было обманчиво, сыск работал скрытно, не сбавляя темпы изо дня в день.

У Тихона и Никиты сноровки хватило совершить кражу, а вот сбыть краденое, разума не хватило. Внешне затихшие поиски усыпили бдительность похитителей, и они решили начать сбыт золотых изделий на соседнем прииске. Ходили по посёлку и за низкую цену предлагали людям купить что-либо на выбор. Покупатели находились, и это парней окрыляло. Ну как могла такая торговля пройти мимо народа, знавшего, что в районе совершено ограбление и что украдено. А тут неизвестные подростки предлагают ценности, явно не принадлежащие им. «Да откуда же у мальчишек такая роскошь?..» – всякий прохожий думал при виде необычных продавцов.

Кто-то из жителей известил милицию. Арестовали ребят в этот же день. Сначала отпирались, говорили, якобы нашли, но под нажимом следователя сознались, отдали сумку с драгоценностями, рассказали, как всё происходило. После судебного разбирательства получили по два года колонии. Прощай беззаботная жизнь и свобода – впереди лагерь с исправительными работами и под надзором охраны.

На зоне и познакомился Тихон Груздев с Борисом Гребневым. Гребнев был осужден за бандинский налёт в сибирском городишке, групповая связка подельников, а потому и статью «пришили» серьёзную. Отсидел почти от звонка до звонка – за хорошее поведение выпустили досрочно. После освобождения приехал в Иркутск. Город огромный, на больших улицах и в суе людской как-то быстрее стали забываться пережитые неприятности. А тут случайно и встретились бывшие арестанты. Какая встреча! Неожиданная...

– Дядька, говоришь, на Ленские прииски зовёт, это хорошо. У меня же есть иная тяга – махнуть на магаданские прииски. Если желаешь, можем сигануть вместе.

– А кто у тебя там, в Магадане, родные или близкие?

– Нет у меня там никого, но есть один бродяга, вместе на нарах отдыхали. Ты его не знаешь, я ж ещё раз подсел за колючку, ненадолго, но загорать пришлось, там и скорефанились.

– Веришь, что он тебя ждёт?

– Ждёт. Недавно знать о себе дал. Сообщил, дела интересные есть, а надёжных людей нет.

– Что ж за дела? – спросил Тихон с любопытством.

– Ещё будучи на зоне гутарил он мне, якобы золотишка там немерено, приисков тьма пруди, старателей по тайге много, кто группами, кто в одиночку копаются. Сечёшь, к чему клоню?

Тихон задумался. Много историй он слышал об ограблениях старателей, их убийствах с целью завладеть добытым ими драгоценным металлом. Порой малая кубышка золота стоила им жизни, но этот одержимый народ копался всюду, промывал породу в надежде фарта. Копались, и удача сопутствовала многим – золотой песок вызывал азарт, а если везло, находили и самородки, и тогда наступала эйфория. Чтоб не ограбили, пробирались по тайге путями редко хоженными, скрывались от недобрых глаз. Несли золото в приисковые кассы, а иные прятали в тайниках. Сколько золота оставалось лежать в кладах, если их хозяев лишали жизней? Много... Кто ж знает места тайников, коль они известны лишь тем, кто их закопал.

– На мокрое дело что-то не очень тянет, это ж души человечьи, от такого оборота тюрьма на всю катушку.

– Заладил: мокрое дело, тюрьма на всю катушку. Ты сразу на край смотришь, но я не об этом, о чём ты подумал. Не надо накручивать. Мы и сами с усами, надыбаем участок богатый, нароем столько золота, чтоб жить в малиннике и в шампанском купаться. Колымские россыпи фартовые, к тому же и клады пошерстить можно. Решай, в одной упряжке с тобой сподручно было бы, как-никак одну баланду хлебали, присмотрелись друг к другу.

– Надо подумать, – выждав паузу, ответил Тихон.

«Конечно, без образования, с запятнанным прошлым, где я найду себе подходящую работу? Грузчиком, как Борис, или дворником метлой по дорогам меж домами мусор подметать, много не заработаешь, а значит, и жизнь скучная. Прав Борька, жизнь она одна, как говорят: кто не рискует, тот не пьёт шампанского. А если подфартит, так и унынье с плеч сброшу. Где золото, там и деньги, и деньги немалые...» – рассуждал Груздев.

– Можно много размышлять! Пока думаешь, годы улетят, а времечко на месте не стоит, оно бежит, спешит впереди нас, не заметишь, как седой бородой об стол упрёшься. – Борис глянул в глаза собеседнику.

Встретившись взглядами, Тихон произнёс, словно выдал из себя:

– Чего тут спорить, твоя правда, прозябать в трудах нищенских и быть в долгах как в шелках – такая перспектива не по мне. Давай попробуем. Но только уговор: стоять один за одного, чтоб ни приключилось, и доверять во всём.

– Какой базар! – воскликнул Борис, обрадовавшись согласию Тихона. – Будем как одна сцепка, как братья! По рукам?

– По рукам, – Тихон протянул руку к руке Гребнева, крепко сжали ладони и обнялись.

– В ближайшие дни возьму расчёт, загодя обмозгуем, что да как, и тронемся, откладывать не будем...

Глава 2

Самолёт приземлился в аэропорту Магадана. Пассажиры по трапу сходили на землю, в багажном отсеке получили вещи. У Гребнева и Груздева было по одной сумке. Борис шёл к аэровокзалу в предвкушении встречи с бывшим сокамерником Захаром Хрусталёвым по прозвищу Хрящ. Почему он получил такую кличку, Борька никогда его не спрашивал. Тихон шагал рядом и тоже думал о человеке, которого знал Гребнев, – что за личность, каков характер?

Хрусталёв стоял на перроне аэровокзала в куртке и чёрного цвета штанах, на голове серая фетровая кепка, из-под козырька которой пристально разглядывал прибывших пассажиров, и тут среди них заметил знакомое лицо.

– Гребан! – воскликнул Хрусталёв, и бросился обниматься с Гребневым.

– Привет, Захар, привет! – ответил Борис и дружески пожал руку. – А ты чуток изменился – разжирел, гляжу, воля на пользу идёт, знать, жрёшь от пуза.

– Есть малёхо.

Груздев стоял рядом, ждал, когда же двое друзей обменяются любезностями. Тут Хрусталёв заметил молодого человека, стоявшего подле и молчавшего. Он понял, что этот спутник прибыл вместе с Гребневым, и удивлённо спросил:

– С тобой, что ли?

– Со мной, – ответил Борис. – Знакомься, мой брат Тихон.

– Ты ж говорил никого у тебя нет из родни.

– Не было, а теперь есть.

– Лады, потом разберёмся, – улыбнулся Хрусталёв и пожал руку Груздеву: – Будем знакомы, я Захар Хрусталёв, есть и прозвище – Хрящ, клич, как нравится.

Тихон назвал своё имя и фамилию, оставшись довольным весёлым характером нового знакомого. В Хряще было что-то подкупающее, притягательное, но что, Тихон понять не мог, главное, напарник Бориса ему понравился.

– Поехали ко мне на хату, а там и встречу обмоем и пошепчемся, – распорядился Хрусталёв, увлекая гостей за собой к стоянке частных извозчиков.

Ехали по городу и через окна машины разглядывали город, по дороге Гребнев предложил:

– Надо бы тормознуть у какой лавки, водочки купить и закусону.

– Не парься, всё есть, голодом томить не буду, – рассмеялся Хрусталёв.

Наконец «Москвич-401» остановился у небольшого дома, расположенного на окраине города. Здесь частный сектор, с усадьбами и небольшими огородами. Вышли из машины, Хрящ открыл калитку и пригласил:

– Заходи, братва!

Провёл во двор, отомкнул замок и широко открыл дверь.

– Прошу в моё скромное логово. Будьте как дома.

– Но не забывайте, что в гостях, – вставил Борис.

– Нет, Боря, тут ты не прав, наоборот, забудьте, что в гостях, и располагайтесь как дома.

– Коли так, тогда замётано. Хата-то твоя?

– Нет, одного кента, его уж в живых нет, на меня переписано.

Хрусталёв для встречи, вернее, для угощения друга подготовился основательно. Еды было всякой и впрок, и хорошо, что так, поскольку Гребнев прибыл не один.

На столе появились мясные и рыбные копчёности, соленья, отваренная картошка, предложил и приготовленную с утра уху. Расставил три стакана, разложил ложки и вилки, затем словно фокусник извлёк из холодильника пять бутылок пива и бутылку водки с наклейкой

«Стрелецкая». Стекло на ней сразу покрылось лёгкой испариной, что придало алкогольному флакону своеобразную привлекательность.

Притомившиеся гости дальней дорогой и за сытный стол – это для них блаженство и упоение. Пили и ели со зверским аппетитом, пили и чай, меж тем и вели беседу. Говорили о былой жизни на зоне, о казусах и перипетиях человеческих судьбах, оказавшихся за колючей проволокой, вспоминали и о побегах эзков, и кому удалось сбежать, а кого настигла кара.

Захмелев и расчувствовавшись, спели куплет из блатной лагерной песни «Мурка»:

Ночью было тихо, только ветер свищет,
А в малине собрался совет,
Все они бандиты, воры, хулиганы,
Выбирают свой авторитет...

Слова песни и воспоминания тронули нервы, и Гребнев не выдержал. Поддев на вилку очередной кусочек малосоленного хариуса, произнёс:

– Ай, хватит о былом. Расскажи лучше, чем сам живёшь-промышляешь, ведь не зря звал.

– Хочется думать не зря, – подтвердил Хрусталёв. Налил всем по четверть стакана водки, поднял свой стакан и призвал чокнуться:

– Мужики, дел интересных в этих краях столько, что двух жизней не хватит их разгрести, только мудро и толково порешать всё надо, зря голову, куда не след, толкать не нужно и всё будет чики-пики. Выпьем же за нас!

Дружно сдвинули стаканы и опорожнили. Уже не первые дозы спиртного ударили в голову, все расслабились и, сытно отобедав, вышли на улицу освежиться. Закурили.

Гребнев затянулся глубоко, медленно выпустил дым папиросы изо рта и поинтересовался:

– Какие ж виды имеются?

– Видов, Боря, море. Как там, у Маяковского: все работы хороши, выбирай на вкус.

– И всё же?

– Поясняю: много одиночек-старателей шастают по тайге, роют закапушки, втихую золотишко моют. Дела творят незаконные, потому как на золотоносных ручьях, прячась от властей, копошатся. Легавые за имя охотятся, но от случая к случаю, не жить же им в лесах постоянно, где ж обозреть просторы таёжные.

– И?... – Гребнев пристально взглянул на Хрусталёва, подталкивая говорить дальше.

– И тут поле непаханое – самим таким же делом заняться. Риск есть, но мы ж не лохи.

– Рой и бойся, загребут и... – заметил Груздев, хотя сказал так ради услышать что-либо убедительное и вселить уверенность в себя и Гребнева в успехе предложений Хрусталёва.

– Если в барабане пусто, – Захар пальцем постучал по своей голове, – то загребут. А мы народ битый, главное, чтоб нас алчба не давила, сами знаете, жадность фраеров всегда губит. Но есть и одно но.

– Что ж за но? – насторожился Гребнев.

– Особо не напрягайся. Бывает по тайге шастают и иной народ – лихие люди, вроде воронья, но куда круче промышляют – искусители грабежа.

– Кто ж таковые?

– Бывшие заключённые, освобождённые по амнистии благодаря товарищу Берия. Спасибо роденькому: среди этой братвы в откидон попали, а может, и сбежали, и отъявленные убийцы и бандюги. Им терять нечего, нападают уж с несколько лет подряд даже на мелкие артели старателей, налёты отчаянные творят. Но в последние годы их крепко осадили, затихли, и вылазки исподтишка лишь кое-где всплывают. Подозреваю, кто-то из них имеет связь с неко-

торыми мусорами, поскольку больно вольготно ведут себя, ничего не боятся, а те, видать, их покрывают и долю от них имеют. Вот такие пироги, кенты.

– Даже так?

– Даже так, Боря. Конечно, за руки я с такими ментами не здоровался, утверждать не буду, но слухи ходят.

– Дыма без огня не бывает. Вполне есть среди легашей продажные шкуры, чуют и роют лёгкую добычу, карманы набивают, прибережи их леший.

– Ладно, хрен с ними. Просто в таком деле, если серьёзно заниматься, следует быть насто-роже, с ушами на макушке. В тайге встречи могут быть всякие, и стычек не избежать.

– Дело опасное, можно сказать наряду с промывкой породы на кон жизнь поставим, – засомневался Гребнев.

– Ставим, но такой кон больших свеч стоит.

– Хм... – хмыкнул Гребнев и промолвил: – При таком раскладе оружие иметь надобно, без стволов и рыпаться нечего, ведь всяко может обернуться, коли можем перехлестнуться с лихими громилами. Купить ружья не помешало бы.

– Одна двустволка у меня имеется.

– С одним стволом не повоюешь. Не с голыми же руками промыслом заниматься, а разговорами-уговорами бандитов не угомонишь, те только силу уважают и то не всегда. Ещё пару ружей купить потребно, это как пить дать.

– Продумано. Иначе и не звал бы тебя сюда. – Захар хитровато улыбнулся и полушёпотом произнёс: – Пара автоматов и один револьвер имеются с достатком патронов, так что есть чем страшать и постоять за себя.

– Ого! Откуда ж? – удивились гости.

– Долго рассказывать, главное: есть такая грозная потеха.

– В таком разе вопросов нет. Будем знать, не с пустыми руками барагозить придётся, – с удовлетворением отметил Гребнев, а захотев справить малую нужду, спросил: – Где у тебя дальняк? Отлить бы надо.

– В огороде за домом.

До туалета ходил и Тихон – пиво и чай дали о себе знать. А когда вернулись, хозяин двора тоже отлучился, облегчился и вновь пригласил гостей в дом. Тут и достал Хрусталёв из тайника подвала всё своё вооружение.

Тихон и Борис, попеременно беря в руки то одно, то другое оружие, восхищались им. В души вселилась уверенность, что оно и есть то подспорье, которое обеспечит им уверенно осуществить задуманное и оградит от неприятностей – устршит вероятных грабителей, позволит отбиться, сохранит жизнь.

– Классно! Новьё, словно с завода! А не подведут? – уточнил Гребнев.

– Работают как часики, сам проверял. Стрелял в глухомани по мишеням, пули ложатся в яблочко.

– Что ж аппараты клёвые, с такой опорой и в бой идти не страшно. Колись, Захар, где нарыл всё это? – спросил Гребнев.

– Шёл, запнулся, гляжу, куча оружия, поднял и...

– Хватит пургу нести, – перебил Гребнев, его просто заедал интерес: где мог взять кореш боевое оружие?

– Был тут один земля, бывший военный, каким-то образом с армейской части умыкнул всё это добро и схоронил. Говорил, мол, на всякий случай, вдруг пригодится или продать кому удастся. Но ни того ни другого не произошло. Как с колючки откинулся, я сразу хотел на Дальний Восток уехать, а тут с ним случайно перехлестнулись, с одного места родом мы с ним, у него и приземлился. Комнату мне дал, а вскоре он на моих глазах сдал – крепко болячка прихватила, кое в чём помогал ему, а чувствуя, что вот-вот кони кинет, признался об

этом арсенале, рассказал, где спрятал, хату на меня переписал. Хороший мужик был, похоронил я его, а у самого и план образовался, коль оружие такое в руках оказалось.

– Наверняка со складов стащил, раз новёхонькие, – предположил Гребнев.

– В точку попал – со складских запасов, – подтвердил Хрусталёв. – Стволы нигде не засвечены, ни в каких замарашках не участвовали – чистые. Ну, ладно, налюбовались, – и хватит, всё на место. – Хрусталёв принялся складывать оружие, заворачивая его в промасленные тряпки. – Грозное оружие это пока брать с собой не будем, всё же как на разведку едем, при людях неуместно держать его и прятать, достаточно одного ружья, хватит при надобности приструнить кого. Я тут справки кое-какие навёл и многое от людей слышал, так что злачные места мне ведомы, зря землю ковырять не будем. – Хрусталёв взглянул на собеседников и продолжал: – Тут до вашего приезда с одним бродягой заваруха вышла уж шибко корявая, чуть было жизни не лишился из-за золота.

– Чего так и к чему вдруг говоришь об этом, Захар? – насторожился Гребнев.

– Не напрягайся, так к теме вспомнил. – Хрусталёв достал папиросу, прикурил и присел к столу. – Некий Сухарь здесь проживал, кличка у него такая. Тихо жил, не совал нос, куда не попадая, а тут менты взяли его, так он оказался тот ещё орешек. Золота кучу нагрёб, а распорядиться не сумел – ума не хватило – где-то оступился, иль взболтнул кому по пьяни, язык-то он до Киева, говорят, доведёт. Вот к тому и говорю: с мозгами дружить в таком деле надобно.

– Что с ним стряслось-то? – полюбопытствовал Груздев.

– Грабежом в последние годы и втихую занимался, как оказалось, вроде и неприметный сукин сын, а творил такое, что у местной братвы шары на лоб вылупились. Короче, изъяли у него оружие и двадцать кило золота. Следствие, суд – и закрыли этого гопника.

– Двадцать килограммов, ничего себе! – удивились в один голос Борис с Тихоном.

– Да, два десятка.

– Так это статья расстрельная, иль пожизненно дали?

– И то и другое.

– Как так?

– Вышку припаяли, а он в столицу в самые верха маляву написал о помиловании, дескать, если жизни не лишите, то пуд золота сдаст государству.

– Ничего себе Соловей-разбойник, это ж сколь старателей положить надобно было для богатства сумасшедшего, – закивал головой Тихон.

– Рассмотрели, видать, в Москве евоюную просьбу, сочли: пулю в лоб человеку пустить просто, а выгоднее будет добавку с него получить. Верхушка своим судом дело переиначило, и вынесли закрыть пожизненно.

– Ну, а как с пудом, отдал или нет?

– Вроде как отдал, иначе б дырку в голове проковыряли. Шестнадцать килограммов, по весу, как в аптеке. Но я так разумею: коль при таком базаре у этого Сухаря в заглазнике куда более металла припрятано. Не прошло месяца – и ему вольную дали.

– Ого! Откупился, ну и жук, – то ли восхищаясь, то ли удивляясь, заметил Гребнев.

– Кто знает, что это ему станет, ещё не вечер – может и жизни лишиться, если опять впросак попадёт.

– Так не зря легавые, видать, отпустили, проследят и вынюхают запасы его, дорожку-то всё одно укажет, не сегодня, так завтра – нужда заставит или иное что принудит, с золотом всё одно не сидел бы как курица на яйцах, покою-то оно не даёт. А тут уж как карта ляжет – или пан или пропал, – рассудил дальнейшее развитие событий Борис.

– Вполне так и есть, выпустили, чтоб выдоить подчистую, а там либо опять спрячут, либо в расход пустят. – Захар потушил окурочок. – Всё, мужики, довольно балагурить, чай погоняем – и на сон грядущий, а завтра на свежую голову всё обсудим, без спешки и ладом.

Глава 3

На четвёртый день все трое покинули Магадан. Дом Хрусталёв закрыл, попросил соседа присмотреть за ним, сказал, мол, уезжает с друзьями на заработки, как вернётся, в долгу не останется. Через какого-то знакомого зафрахтовал ГАЗ-69, чтоб его с напарниками довели до посёлка Ягодное, пояснив: хотят присмотреться к тамошнему быту, глянуть, как добывают золото, да наняться на сезонную работу в какую-либо старательскую артель.

Шофёр газика оказался человеком старше среднего возраста, словоохотливый, тем более в Ягодном у него проживал двоюродный брат.

Друзья погрузили в машину свои вещи, сами устроились на сиденьях, и газик тронулся, взметая позади дорожную пыль. Хрусталёв сидел рядом с водителем, Гребнев и Груздев сзади.

– Как звать-то? – спросил Хрусталёв хозяина автомобиля.

– Даниил.

– Данил – истинно русское имя. Мне родители говорили: хотели тоже такое имя дать, но передумали и назвали Захаром.

– Не Данил, а Даниил, – водитель сделал ударение на два «и».

– Даниил так Даниил, будем знакомы. Моих напарников зовут Борис и Тихон. А чем тебе так важно, что не Данил, а Даниил?

– По паспорту так, и имя дано родителями от библейского происхождения.

– Это как? – спросил Гребнев.

– По христианской вере Даниил – это очень почитаемый среди ветхозаветных пророков и имя моё относится к раннехристианским святым. Горжусь этим я и благодарен отцу с матерью, что нарекли так, оно мне и в жизни помогает.

– Каким же образом имя тебе помогает?

– Я православный, крещёный, каждую неделю в церковь хожу на службу, оно дух в теле поддерживает, от недугов и грешных помыслов ограждает. А вообще-то каким нарекли именем человека любого, оно праведный крест по земле нести обязывает, с пользой жить призывает. Скажу: любое имя несёт в себе знак какой-то и сила в нём заложена. Сила-то наша в чём? Правильно – в душе искренней и людской совести. А не будет того или иного, откуда ж силу нам брать, одни грехи окаянные лишь окружать станут, потому как Сатана не дремлет, всякого кто духом слаб, к искушению он того и тянет до себя.

– Вот ты говоришь, живёшь по совести. А много ли ты со своим убеждением добра нажил? Не купаешься же в роскоши, а вынужден баранку крутить, чтобы семью прокормить. И сам видишь: одному процветание, другому нищета.

– Каждому своё. Да, кручу баранку, но на хлеб хватает, никого не обманул, никого не ограбил, табаком не балуюсь и водку не уважаю, а оттого и душа в покое, и это главное. Будешь труд уважать, не лениться, голодным не будешь, и по миру милостыню просить не придётся. Скажу вам: на земле жить с верой надобно, устойчивость веры должна быть в человеке, без веры жить никак нельзя. А искушение, каким злом или умыслом, – это грех великий, особо тяжкое, тянет оно человека вниз, ох, как тянет. А ежели их много и алчность в тебя вселилась, душу чейную загубил – почитай погибель.

– Ну, разве можно много иметь грехов? Вот меня возьми в пример, одна только тюрьма, так я срок отмотал положенный, а значит и грех смыл.

– Э, нет, мил человек, не смыл ты его. То ж покаяться перед батюшкой надобно, да и грехов, ежели начну перечислять, в тебе пальцев на руках не хватит.

– Куда там, скажешь тоже.

– Куришь?

– Курю.

– Водку потребляешь, в карты играешь, сквернословить, обозвал дурным словом кого-либо?

– Бывает, а кто ж этого не делает.

– Во-от, – протянул Даниил, – список грехов-то и наполняется. А там, поди, молитвы не читаешь, с девками балуешь, пристрастия непристойные проявляешь, когда кого и обманул, оговорил, украл чего или без спросу взял, вот тебе ещё грехов цельная куча.

– Люди многие так живут, и что из этого.

– Живут, грешат и не задумываются. А людям-то следовало пройти таинства причащения да исповедаться, а то ведь и не ведают, что вольно или невольно грешат против Бога, против ближних и самого себя, а опосля раскаиваются, да поздно. Ежели услышал меня, разумеи и думай.

«Вот же божий человек! Да-а, таких людей мало по земле ходит, всё больше норвят схитрить и умыкнуть что-либо. Можно сказать Даниил – экземпляр уникальный, прямо кристалл!» – подумал Гребнев и решил разговор перевести на иную тему.

– Ты, Даниил, расскажи лучше, что собой представляет посёлок Ягодное? Едем туда, а что и как там особо не в курсе. Бывал там ранее или впервой колёса туда гонишь?

– Как не бывал, бывал, и даже работал на грузовой машине несколько лет на строительстве села.

– Даже так.

– А то! Ох и стройка была, да посёлок и сейчас разрастается. Удачное место для поселения геологи и дорожных дел мастера выбрали. Стоит на ручье Ягодном – это приток реки Дебина. А густой лес кругом богат лиственными и хвойными деревьями, ягод видимо-невидимо. Никто не знает почто посёлку название дали такое, то ли что на ключе Ягодном стоит, то от обилия ягодников всяческих вокруг него по сопкам, но место дивное, привлекательное.

– Кто ж поселение строил это? – спросил Гребнев.

– Здесь как, кругом золото, все ключи и речушки песками золотоносными покрыты. Вот мы с вами, думаете, по чём едем?

– Ай да вопрос, по дороге, конечно, – отреагировал Гребнев.

– По золоту едем. Не в прямом смысле, а в том, если копать и промывать склон, по которому катим, то сколько-то золотинок обязательно найдёшь. Вся Колыма богата золотом, вот и обживать люди стали края эти. Наёмные люди, что понаехали сюда и строили посёлок, для житься-то золотодобытчикам нужны избы. Опосля навезли заключённых с лагерей, те горбатились даром под приглядом. Лесу в округе хватает, приедете, сами увидите, тайга необъятная, сосны и лиственницы, словно для построек выросли. И дома есть и бараки, помещения общественные: баня, магазин и школа, в общем, для жития и отдыха всё есть. А вот поведу, как местная власть с цингой боролась, не поверите. В тридцатые годы ж тут ни овощей, ни фруктов не было, не завозили, бездорожье и глухомань. Люди от цинги маялись, дёсны воспалялись, зубы расшатывались, ну и далее понятное дело – многие с зубами расставались. Так в конце тридцатых на Дебине фабрику витаминную поставили, вытяжку из хвои делали. И эту настойку заставляли пить всех, и вольных и невольных людей. Установка была строгая: в рабочей столовой обед не получишь, пока это самое лекарство не примешь. Я пил, а куда деваться, напиток на вкус неприятный, но пользу приносил. Благодаря этому и челюсть свою сохранил, видите зубов полный рот и все свои. – Даниил раскрыл рот, продемонстрировав два ряда белых зубов. – Вот так. А когда мост построили через Дебин, тут уж и дорога стала постоянная, круглогодичная до Магадана. В это время я и работал на ЗИСе. Хороший автомобиль был, не капризный. А до этого только тяга лошадиная и была – конный двор большой содержали, под сотню голов, а может, и боле. Лошадей этих на стройке использовали, а больше на горных работах. На измор савраски работали, да и люди трудились, не разгибая спины. Начальство сверху требовало давать больше золота, а война началась, так в нём ещё боле потребность воз-

никла. Ох, войну вспоминать, Боже ж ты мой, не дай Господь никому и никогда вновь испытать ужаса, народом выстраданного.

– Поговаривают, да и ты молвишь: край золотом богат. Вот и едем в артель какую устроиться или сами по себе старателями заделаемся, заработать за сезон, а там видно будет.

– Богат край, кто ж скажет нет. Поверьте мне: затянет вас старательское дело, и ездить будете сюда не один, а больше годов, а может, и всю оставшуюся жизнь, если поселитесь в Ягодном. Притягивает золото, будь оно неладно, к себе, словно медведя на пасеку.

– Много горных участков-то?

– Много, всех и не помню. И приисковые и старательские. Ранее было беспокойно из-за отморозков – заключённых из числа убийц. Эти злодеи сильно злобствовали и горя людям нанесли в своё время немерено. Милиции работы хватало.

– А сейчас как?

– Ныне положение сменилось, реже случаи, с какими жуткими казусами выходят, но золото, поговаривают, частенько воруют, с участков выносят, да и у старателей меж собой стычки происходят – каждый норовит богаче участок ухватить или поделить намытый металл толком не могут. Бывают и извне кто на них налёт совершает. Всякое бывает. Ране такого насмотрелся и наслушался, мама моя родная, ни приведи Господь.

Глядя через стекло кабины газика и слушая водителя, Хрусталёв, Гребнев и Груздев с интересом рассматривали проплывающий пейзаж. Каждый думал свою думу. Тайга, глухая и неведомая, густые временами заросли деревьев и кустарника сменялись пролесками и полянами, проезжали ручьи, то поднимались на взгорки, то катили по спускам, порой каменистым, поросшие толстым слоем мха разного вида. Медвежий край, полный загадок и таинственности. Сколько ж тайн здесь покрыто мраком, сколько людских судеб загублено или сами загубившие себя, сколько крови пролито и проявлено жестокости из-за алчности со времён как ступила сюда нога человека?!

Несколько часов езды утомили пассажиров, однако усталость растворилась, когда наконец-то увидели первые строения посёлка Ягодное. Въехали в посёлок, и Даниил свернул на широкий среди домов проезд.

– Это Центральная улица, можно сказать тутошний проспект. Ещё момент терпения – и доставлю вас к моему родственнику, он всех тут знает и вам поможет найти угол для жилья на первое время. А пока переночуем у него, я же поутру отправлюсь в обратный путь, а вы уж тут сами разберётесь.

Глава 4

На следующий день утром, как и сказал Даниил, он выехал до Магадана, прихватив с собой пассажиров – семейную пару с ребёнком, собиравшихся далее вылететь самолётом до Хабаровска. То есть обратная ездка у него оказалась с «наваром». Что ж взвоз в этих краях дело выгодное, и этим ремеслом Даниил занимался уже несколько лет подряд, как приобрёл желанный ГАЗ-69, и такая работа его устраивала. Следует пояснить, газик новенький, но пришёл с завода с дефектом в двигателе, и его решили продать кому-либо из местных работников. Даниил был на хорошем счету – честный и работающий, безотказный и ответственный. Узнав, что машину хотят реализовать, он обратился к начальству с просьбой продать ему. Не отказали. Приложил руки и умение и машину оживил себе на радость. Кого только ни возил за эти годы, порой вспоминает, а по спине холодок проходит.

Выпало как-то возвращаться с Ягодного в ночь. Ехал один. Вдруг фары осветили сосну, лежавшую поперёк дороги. Подумал: повалило ветром или свалило грозой. Вышел из машины, подошёл к дереву оттащить его в сторону. Только нагнулся, как услышал за спиной лёгкий хруст сухой ветки. «Медведь!» – мелькнуло в голове. Но тут ощутил на затылке прикосновение холодного металла. Это был ствол обреза, и сразу раздался повелительный голос: «Убирай с пути лесину и быстро за баранку!» Ноги будто подкосились, потерял дар речи и обомлел. «Ты чего, глухой? А ну пошевеливайся!» Объятое страхом тело сделалось ватным, слушалось с трудом. Убрал с дороги дерево, направился к машине. Видит тот, кто наставлял на него оружие не один, с ним ещё двое. Незнакомцы не местные, не приисковые и одеты в арестантскую одежду. «Беглые!» – догадался Даниил. «Убьют и заберут машину...» И тут снова этот же ээк спрашивает: «Мужик, хочешь жить?» – «А кто ж не хочет?» – дрожащими губами ответил Даниил и перекрестился. «Так вот седай за руль и гони свою лошадку до Магадана. Если кто будет останавливать, гони дальше. Остановишься или намёк кому встречному дашь, считай, пропал. В своём или казённом доме живёшь?» – «В частном, с огородиком, с женой и ребёнком», – ответил Даниил. «Это хорошо. Довезёшь до своей хаты, одежонку нам подходящую дашь – прикинуться достойно и пожрать. Хрусты и ценности, какие есть выдашь, спички, табак». – «Какие ещё хрусты?» – спросил Даниил. Старший из них ухмыльнулся: «Деньги, дурень!» Затем без усмешки продолжал требовать: «Потом выкатишь нас за город. Всё складно сделаешь, останешься жить. Всё усёк?» Ответил: «Понял, чего ж не понять». Даниил всё так и сделал, как наказали беглые, а куда же деваться. Когда же вывез переодетых и накормленных арестантов за город, те, не сказав ни спасибо и не попрощавшись, скрылись в придорожном лесу. Ехал и боялся: «Убьют, зачем им свидетель, машину угонят и бросят...» Но, к счастью, так не случилось, оставили в живых. Прежде чем лагерников поглотила тайга, один из них зло бросил: «Помни: взболтнёшь, найдём – перо меж рёбер вставим и дом сожжём!» Что было на это ответить? В милицию заявлять Даниил не пошёл, хотя по радио объявляли и не раз о сбежавших из зоны группы заключённых – на кону стояла жизнь всего семейства и крова, построенного своими руками...

Были и иные случаи, доводившие до страха, но Бог и крест Его животворящий отводил от бед, а жена всё уговаривала: брось ты это занятие, мало ль в дороге, что может приключиться, всякий народ на пути попадает, и денег этих не захочешь, а нам сына Ваньку на ноги поднимать надобно. Даниил же на это ничего не отвечал, отмалчивался. Прикипел он к профессии самодеятельного таксиста, кабина машины стала для него как второй дом родной, с собой возил сухари, консервы, заварку, котелок, кружку, ложку, так что на трассе его врасплох невозможно взять было – всегда есть чего перекусить и чаю горячего выпить.

Глава 5

Двоюродный брат Даниила – Арсений Суворов трудился на прииске почти с начала его основания, плотничал, столярничал. Слыл в посёлке хорошим мастеровым. С женой вырастили дочь, больше детей не было – не дал Бог. Дочь после окончания школы отправили учиться в институт на медика, с малолетства мечтала о профессии врача, а родители не возражали, считая, раз к душе врачевание, так тому и быть – пусть занимается.

Утром за завтраком Арсений угощал постояльцев, к ним приглядывался. Вчера ночью некогда было их рассматривать, жена определила им место на ночлег и сами с Марией отошли ко сну.

– А ты, Арсений, уж не родственник ли полководцу Суворову? Фамилия-то громкая, – наседая на макароны с мясом, спросил Хрусталёв.

– Нет, не родственник, – рассмеялся Арсений и, в свою очередь, полюбопытствовал: – Если секретов нет, куда устраиваться наметили, в прииск или в старатели подадитесь?

– Поможешь снять у кого комнату, а там осмотримся, поглядим, поспрошаем, – ответил Борис, продолжая с аппетитом есть. – А что бы ты посоветовал? Ведь не первый год здесь небо коптишь.

– Чего я могу вам насоветовать? Коли профессий нет, на прииске простыми работягами оформить могут.

– Это кем?

– А кем угодно. Разнорабочие везде нужны и в посёлке и на горных работах. К примеру, поставить могут на промывочные шлюзы породу ворошить, шурфы копать, в такелажники определить, работы хватает.

– Вообще-то имеются мысли самим покопаться.

– Сами по себе?

– Сами, втроем.

– Это можно. На прииске старание приветствуется. Договор с вами заключат, участок определяют, – и копайте себе на здоровье. Но что нароете, всё государству надобно будет сдавать в приисковую золотоприёмную кассу.

– А ещё как иначе можно?

– Можно и самим с позволения властей в поиски кинуться, бродить искать злачные места, но намытый металл всё одно сдавать прииску обязаны. Умыкнул ежели кто, хищением считается, а тут тюрьмой пахнет. Сколь тут случаев было до вас – уйма, не перескажешь. Воруя золото и в одиночку и хором, кого словили, тех казённый дом дожидается – стены тюремные, а иных до расстрела доводят.

– Нет, вышка нас не устраивает. Нам подзаработать – и всё тут.

– В конторе приисковой появитесь, там вам всё обскажут. Ранее-то старанием занимались?

– Нет, дело для нас новое, а освоить немудрено.

– Мудрено-немудрено, а вам следовало бы побывать в какой-либо старательской артели, присмотреться, каким образом породу копают, как промывают, как доводку металла делают. Одним словом, процесс изучить, а уж опосля и заниматься. За пример, можно попроситься на своего рода экскурсию в артель Артамонова. Гремит артель – золото прёт, деньги хорошие получают. Артамонов мне всегда заказы даёт: бутары сколотить, лотки промывочные выдолбить, скребки и лопаты с кайлами насадить – это мне не в тягость и приработок на дому даёт, с оплатой никогда не обманывал.

– А вот в инструментах и приспособлениях можешь нам, раз речь зашла? – спросил Хрусталёв, взявшись за стакан с чаем.

– Отчего не помочь, помогу. Брат уезжаючи попросил помочь вам, ему в просьбах никогда не отказываю. Бутару сделаю малую, переносную, она вам будет сподручна – перетаскивай, куда пожелаете. Лоток дам, даже пару выдам, имеются готовые, из кедра выдалбливаю. Кайлы, лопаты есть, трафареты для бутары в прииске купить можно или в артели попросить. А чтоб на себе тяжести не таскать, лошадь в аренду возьмёте, а может, и частника какого прихватите с собственной лошадкой, таких желающих можно в посёлке найти, есть охочие подзаработать.

– Спасибо за советы, Арсений, а за инструменты расплатимся с тобой по окончании сезона, в этом не сомневайся, – заверил Хрусталёв.

– Чего мне сомневаться? Заработаете – рассчитаетесь, не заработаете – в долгу останетесь, – рассмеялся Суворов.

Глава 6

Снимать угол друзьям не пришлось. При своём доме Арсений им выделил пристрой и пообещал свести с управленцами прииска, чтобы помогли определиться с участком добычи, составить нужные разрешительные бумаги.

В этот же день явились в прииск. Сухонький на вид и с коротенькой бородкой горный инженер потребовал паспорта, расспросил, откуда прибыли, имеют ли навык в ведении добычных работ. А как выяснил всё, что его интересовало, предложил:

– А не желаете поработать во вновь образованной артели? Человек людей подбирает, может, и вы ему подойдёте.

Друзья переглянулись. Дело стоящее, с нуля не надо начинать, опыта набраться, а там уже и самим, как задумали. Рассудили так и согласились. Инженер подсказал, где найти председателя организованной артели.

Им оказался местный житель Макар Романович Лосев, содержавший двух лошадей, имевший в усадьбе телегу, сани и разную конную утварь, а главное, он владел опытом в поисках и разработке месторождений. Закончив учебное заведение по горному делу, отслужил в армии, демобилизовался и работал некоторое время мастером на одном из добычных участков в Якутии, потом в артели старателей на Алдане, вот знания этикие ему и достались от практики на золотых приисках. Пять сезонов не прошли для него даром – кое-какие накопления сделал и покинул суровый край Якутии. Но и переехал не в менее тёплые места – в соседнюю Магаданскую область. В областном центре оставаться не стал, а приглянулся ему посёлок с красивым названием – Ягодное. Здесь со своим семейством и обосновались. Сынишка в школу пошёл, супруга в общепит устроилась. Выглядел Лосев человеком брутальным, мужественным, уверенным, знающим чего хочет. В артели старателей отработал один год, и задумка появилась – сколотить свою бригаду, сила и желание есть, возможности – вот они, почему и пристало ему с личного хозяйства начать. Купил лошадей, инвентарь, начал к людям присматриваться к таким, чтоб не вольничали и работающими были. Участок за собой ещё с прошлой осени присмотрел, обговорил с прииском цену за металл, подписал договор.

Нашли усадьбу Лосева быстро – Арсений знал, где он живёт. Подошли. Во дворе залаяла собака, грозная серая по масти, смахивала на волка, из конуры вылез и небольшой щенок, он тоже огрызнулся несколько раз и настороженно разглядывал пришлых. На лай вышла из дому женщина, а глянув, что у калитки незнакомые мужики, вернулась, после чего появился хозяин и прикрикнул на пса:

– Замолчи, Гром, успокойся! – Пёс недовольно рыкнул и присел на задние лапы у конуры, тихо и злобно урчал, глядя на пришельцев.

Лосев подошёл, поприветствовал незнакомцев через ограду, не открывая калитку спросил:

– Чего хочет народ?

Суворов, будучи знакомым с Макаром, вкратце пояснил, откуда люди, что с ним пришли, чего хотят, и не пожелал ли он принять их в артель на старание. Лосев открыл калитку и пригласил во двор. Познакомились, каждый назвавшись своим именем. Присели на лавочку у дома, стали вести разговор. Из беседы Лосев понял, что тройка друзей – бывшие осужденные. С такой категорией граждан ему приходилось общаться и даже работать в Якутии на одном прииске. Люди были с разным нравом – встречались анархичные и буйные, чуть что за нож хватались. Но эти ему приглянулись, внутреннее чутьё подсказывало – с ними дело иметь можно.

– Добро, – подытожил итог разговору Лосев. – Беру! Но, мужики, помните, работать на совесть и от трудностей не ныть и, если выразаться на вашем былом жаргоне, не отлынивать и не крысятничать. Не думайте, что лопатами поковыряли породу и сразу накопили кучу золота,

такого не бывает. Участок вроде стоящий, с хорошим содержанием, но само золото в руки не сыплется, оно тяжким трудом достаётся.

– Далёко добираться? – осведомился Гребнев.

– На себе груз тащить не придётся, лошадей запряжём, сами пешим ходом, за полтора дня доберёмся. Этот участок оставлен прииском, горняков перекинули на другой, более богатый. Работы велись гидравликой, оставлены сплотки, две стационарные бутары, несколько тачек имеется, а вот кирки, лопаты, скребки и лотки свои брать придётся.

– А с жильём как?

– Проблем не будет. Пять срубов и баня стоят, даже погреб-ледник имеется.

– Так за всё это аренду платить придётся? – уточнил Хрусталёв.

– Не придётся. С начальством договорились вместо аренды перечисленного вроде как за охрану имущества зачёт пойдёт. Им важно обеспечить его сохранность и чтоб своевольные золотишники породу не мыли. Года два-три прииск сюда соваться не будут, так что если дело у нас пойдёт – есть где развернуться. Прибудем на место, сменим двух приисковых сторожей, они в посёлок вернутся, а мы займёмся устройством быта и работой.

Лосев решил не нанимать в артель больше никого, ни к чему иметь излишние кадры, кто знает: как пойдёт промывка, подтвердятся ли запасы? Отработать сезон, а там по факту и расклад сам ляжет. Если золото покажет достаток, то и людей в следующий сезон добавить можно. Хотя геологи заверили, мол, борта добычного забоя, оставленного прииском, промышленные и показали план разведочных работ с данными проб в скважинах буровой линии. Дали и выкопировку плана горных работ с результатами опробования.

Глава 7

Две лошади размеренно шли лесной дорогой. Одна запряжена в телегу, вторая навьючена грузом. Рядом бежала и собака Лосева – кобель Гром. Макар решил взять его с собой – хватит бездельничать, пусть сезон в тайге поживёт, охранником поработает. Пёс то забежал вперёд, то отвлекался в сторону от дороги, на кого-то лаял в кустах, отставал, потом снова догонял и снова бежал по дороге. Вьючную лошадь за узду вёл Лосев, та, что с телегой шла следом. В телеге вещи путников, продукты и потребный хозяйственный скарб. Хрусталёв, Гребнев и Груздев шагали позади, обсуждали предстоящие дела, а больше разглядывали таёжные достопримечательности.

Какие же стройные красивые ели, они вроде и похожи одна на другую, но всё ж неодинаковые, каждая по-своему выглядит. Пушистые и стройные, высокие и средние, иные с густыми лапами, другие неказистые с опущенными ветками, есть макушки редкие, другие полные и симметричные. Много и молодой поросли, они словно ребятишки в окружении взрослых деревьев. Вперемешку поднялись берёзы, а в пути следования на сопках их сменила осина и кустарниковая растительность. При дороге часто попадает брусничник, много кустов голубики и багульника. Какой от него исходит аромат! Этим ароматом воздух вроде как заполнен настолько, что перебивает запах хвои. Цветки багульника уже распустились, но не везде и не в полную силу, но уже видны, где белые, где светло-розовые оттенки его красок. Чего хотите, на дворе май, а в конце месяца он возьмёт силу повсеместно и разнесёт по тайге свои одурманивающие запахи.

В дороге останавливались, кипятили в котелке чай, перекусывали и трогались дальше. А когда солнце склонилось к горизонту, Лосев заторопил своих спутников:

– Шире шаг, мужики. Надо бы до темноты успеть дойти до заезжки – избушка лесников, там и переночуем.

Ход ускорили, и вскоре показалась таёжная изба, похожая на охотничье зимовье, но по виду гораздо большего размера и добротная, сделана из среднего диаметра сосны, нижние два венца – из лиственницы. Древесина ошкурена и со временем уже давно потеряла свой первоначальный вид – поверхность потемнела, появились разошедшиеся трещины, особо на спилах в торцах. Подле избы под навесом стол на крестообразных ножках, по обе стороны стола лавки. Было видно, что здесь давно не было людей. Дверь подпёрта палкой и закрыта примитивной вертушкой.

Сняли с лошадей упряжь, освободили от тяжестей и оставили на длинном поводке, достаточно, чтоб могли питаться травой и при надобности лечь. Травы – молодой поросли у избы было достаточно, но всё же нарвали ещё две небольшие охапки и положили подле них. Утомлённые кони принялись жевать корм, порой переминаясь на натруженных конечностях, как бы сбрасывая с себя усталость.

Пока Лосев занимался с лошадьми, остальные не отлынивали – кто затоплял печь, кто готовил крупу, чтобы сварить кашу, открывал тушёнку, поставили на печь котелок с водой. Благо рядом с избушкой протекал маленький ключик, он мягко журчал, перекачиваясь по камушкам, и бежал дальше, теряясь в зарослях и спеша к подножию сопки. Неслучайно выбрано место для избушки – вода близко, на пригорке посреди поляны в окружении кедрача. Вероятно, по осени, когда шишка созревает, хозяева заимки занимаются сбором кедровых и стланиковых шишек, получают орех. Свидетельством чему служила самодельная шелушительная машинка под крышей избы.

Обжились быстро, в избе навели порядок, поели наспех приготовленную еду, а отужинав и накормив собаку, улеглись спать.

– Надо же в такой глуши и изба пригодная для жизни, – удивлялся Гребнев, поправляя на себе телогрейку.

– Построили егеря и лесники для себя, бывает, охотники ею пользуются, но когда хозяев нет или с их позволения, – пояснил Лосев. – Я ведь до этого в Якутии работал, а кроме золотодобычи три года подряд охотничьим промыслом занимался – по договору со зверопромхозом заготавливал пушнину, рыбу и дикое мясо. Два зимовья своими руками построил и оставил их людям. А окончательно обжился здесь – на Колыме.

– Ну, Макар, ты даёшь, сюда людей ссылают, а он сам себя вроде приговорил, – усмехнулся Гребнев.

– Почему приговорил, природа приворожила. Я так своей жене и сказал: поехали, Елена, туда, где Макар овец не пас, – рассмеялся Лосев.

– Меха денег стоят, почто ж забросил такое доходное ремесло? – спросил Хрусталёв.

– Год на год не приходился, да и понял – не моё это, не моё, к тому же начальство вроде как недовольство проявляло, что от основной работы отвлекался – брал дополнительные отпуска без оплаты. Не прикипел я к охотничьему и рыболовному занятию. Теперь только в охотку за зверем и за рыбой в тайгу хожу. Идём золото добывать, а ружьё с собой прихватил, снасти кое-какие по мелочи, тайга богатая, на пропитание меж делами чего добудем.

Хрусталёв со своими напарниками уснули, послышалось сопение, а кто-то из них и негромко храпел. «Намаялись с непривычки, отмотали-то прилично километров», – подумалось Лосеву.

А вновь вспомнив о своих былых таёжных заготовительных промыслах, у него в голове всплыл случай, приключившийся однажды с ним – жуткий и чуть было не погубивший его...

Костёр погас. Затухали последние светлячки на тлевших головёшках. Прильнув лицом к умирающему таёжному очагу, Макар изо всех сил дул на угольки, стараясь извлечь искру, возродить желанный огонь. Но еле тлеющие светлячки не оживали, они один за другим тухли, исчезали. А вместе с этим гасли и надежды Макара обрести необходимые искры и живительное пламя.

Этот костёр ещё горел утром, когда Макар в котелке кипятил воду. Снял с огня котелок и бросил в него немного заварки. Свежий чай Макар пил, наслаждаясь, он чуть обжигал губы, прогонял остатки сна. Это блаженство, когда, сидя у костра, охотник в предвкушении удачного дня, неспешно пьёт ароматный напиток, при этом любитесь дикой природой, ощущая её восхитительное окружение.

Сегодня Макар встал раньше, нужно было позавтракать и сразу отправиться проверить капканы. Соболь нынче не шибко-то попадался, меньше стало его в охотничьем уголье – шишка и ягода не уродились, а потому и ушёл. Ушёл в другие урочища. Но всё же нет-нет да попадался, не весь ушёл, было чем, знать, кормиться – мыши-полёвки, белки, куропатки и всякая мелочь в лесу имелись. Первый сезон стал таким неудачным, но Макар верил: пушнину всё же добудет, а в следующем сезоне год будет урожайным и соболь придёт.

В зимовье, построенном Макаром в своём охотничьем уголье вдали от рабочего посёлка золотодобытчиков, разводить огонь не стал, хотелось на улице, на тагане – быстрее, да и чай, приготовленный на костре, получается вроде как вкуснее, запахистее.

Погода выдалась солнечная, а морозец умеренный, что позволяло таёжному человеку удовлетворить своё желание – испить чаю у костра, взбодриться перед выходом на путики.

Капканы на соболя расставлены на противоположной стороне речки, а потому и путь проходил через её русло. Речка подо льдом, но кое-где видны пустоты и наледи. Макар решил сократить дорогу, пройдя по краю наледи. Знал: это лишь внешняя мокрота речки, выдавленная водой на поверхность ледового покрова, и потому в меховых сапогах без опаски обходил залитые участки.

Но недалеко от берега вдруг провалился по грудь. Подземный тёплый ключ устроил здесь подвох – уменьшил толщину льда, оттого лёд и проломился под тяжестью человека. Тело сразу обожгла ледяная вода. Забарахтался, энергично помогая себе руками и ногами. Макар всеми силами старался выкарабкаться из ужасной промоины, но раз до самого горла окунулся, ноги чуть дна коснулись – улова в этих местах глубокие. Рюкзак, что висел на левом плече, мешал, тянул вниз, был тяжёл из-за капканов, пришлось скинуть его, и ноша тотчас ушла меж разрушенного льда на дно улова, двигаться стало свободнее. Ружьё было в руках, Макар, когда провалился, изловчился снять с правого плеча, и теперь с его помощью помогал себе зацепиться, найти опору на поверхности льда.

Кромки промоины ломались, но всё ж наконец-таки с трудом Макар выбрался из воды. Выглядел жалко: с ног до головы мокрый, одежда от мороза мгновенно взялась коробом, тело быстро растрчивало своё тепло, шапку и ту подмочил, а потому Макар стал подмерзать. А тут и мороз как на грех начал крепчать.

«Вот же напасть какая. К избушке надо идти, иначе в момент застыну, – сетовал он, чувствуя, как мороз добирается до нутра. – Дойти, обогреться, обсохнуть, иначе простыну и воспаление подхвачу. Только бы не замёрзнуть...»

Сейчас было не до соболей, мысли витали только о спасении: добраться до зимовья, развести огонь. С невероятными трудностями Макар передвигал ноги. Намокшая одежда застыла, она, словно побывавшая в цементном растворе, стала твёрдой и от движений в местах складок ломалась. Это приводило в уныние, но Макар особо не отчаивался, себя подбадривал, настраивал на лучшее.

Измотанный изнурительной ходьбой в обледеневшей одежде, он добрался до таёжного крова. «Огонь, огонь, быстрее огонь... – работали мысли, и тут сознание переключилось: – Спички! Они у меня были в рюкзаке! Это же последний коробок спичек, который забрал я с собой! Чем разведу огонь? Да это же конец...» – от последней мысли его душа ещё более похолодела. Запасных спичек в избушке не было. Он знал это, да и собирался завтра на лыжах выходить из тайги до посёлка, а с возвращением сюда через неделю планировал прихватить чай, несколько корбушек со спичками и восковые свечи да сухарей с вяленным мясом.

Макар начал прощупывать пол в зимовье в надежде найти, хотя бы одну спичку, может, ранее обронённую им или кем-либо из случайно забредших сюда охотников, пусть сломанную, лишь бы была с целой зажигательной головкой. Но тщетно – кроме использованных обгоревших спичек, валявшихся на полу, ничего не обнаружил.

«Околою... Конец... Какие страшные слова...» – с горечью подумал Макар и до боли сжал кулаки.

В эту минуту пронеслась вся его жизнь сызмальства. Родившись в далёком сибирском посёлке, жил с отцом и матерью, трудившимися на объектах золотодобычи. Глухой урман окружал рабочий посёлок. Детский сад, школа, заочно окончил горный техникум, приобрел профессию горного техника и устроился на работу мастером драги. Работа нравилась, и ею дорожил, но его ещё и прельщала тайга – скрадывать диких животных, ловить пушного зверя, ловить рыбу.

Макар не раз бывал вместе с отцом в стойбищах якутов, видел их простецкий быт и как они выделывали шкуры копытных и пушных зверей качественно, хотя и примитивным способом. Отец говорил: якуты народ безобидный, и поучиться у них есть чему. Покупали у якутов оленину и на своём газике везли домой. Якуты в продаже не отказывали приискателям, ведь олени стада большие, самим сверх меры хватало, а от продажи получали деньги, а на них приобретали одежду и продукты, от сдачи же заготовляемого дикого мяса, рыбы и пушнины получали оружие и боеприпасы, снасти.

Женился Макар в двадцать три года. Тут же в посёлке девушка Елена приглянулась, родители его выбору были рады, а как мальчик родился, так радости в двойне добавилось. Ну как

же – наследник! А нарекли его Иваном, в честь деда, так предложила мать. Свекровь умывала водой со слабым раствором марганцовки новорождённого внука и что-то ласково про себя приговаривала и меж делом поучала невестку, как держать малыша при купании, как пеленать. Елена прислушивалась, вникала в столь новую для неё заботу. Будучи подростком, Макар слушал своего деда и отца, когда те его учили охотничьим хитростям, какие целебные травы растут, когда их следует собирать, от каких болезней использовать, помогал матери и бабушке собирать лесные ягоды, заготавливать дрова. Дед часто говорил: будешь беречь тайгу, будешь всегда и сытым и здоровым. Как-то раз Макар с отцом оказались свидетелями возгорания леса. Сухие грозы метали молнии и концами своих огненных стрел воспламенили сухостой и траву. Только что возникший очаг вцепился своими лапами в растительность, тушили огонь около трёх часов и одолели его. Какова же гордость тогда охватила Макара за победу над стихией – не дали ей разбуяниться, отвели беду от тайги и от посёлка. А огню что, только волю дай, вмиг подхваченный ветром, разнесётся вширь, сжигая всё на своём пути. Врезался в память и случай встречи с медведем. Произошло это осенью. Бурый упитанный гигант пристально смотрел на Макара, и где ж было угадать, о чём думал в этот момент зверь, каковы были его намерения? Макар же больше из любопытства разглядывал таёжного хозяина, страх появился потом, когда косолапый, рыкнув, развернулся и удалился прочь. Да и то, это был скорее не страх, а неведомое доселе волнение. Срубить дерево или сломать ветку без надобности или безделицы – всего этого Макар, следуя наказам старших, себе не позволял. Выросший в суровых климатических условиях, познавший азы людского бытия, он впитал в себя те качества, которые присущи настоящим мужчинам – не ныл от трудностей, терпел неудачи, успехам же радовался сдержанно и не бахвалясь.

«Нет-нет, надо что-то придумать, иначе... – Макара охватило отчаяние. – А что я придумаю? Что? Ни зажигалки, ни спичек. Попал, ох, и попал же...» – мысли работали напряжённо, искали выход из сложившейся ситуации.

И сейчас, склонившись над утрешиным костром, Макар разгребал золу и пытался извлечь искру, но всё безуспешно. Последние светлячки погасли... «О, дьявол!» – в сердцах бросил он.

Обступивший со всех сторон холод одолевал Макара всё большим наступлением. Поверхность тела, потеряв тепло, была предоставлена заледеневшей одежде и морозу. Макар, остывая, размышлял: «Нужно либо интенсивно двигаться, либо что-то придумать с огнём. Но и только двигаться, это тоже не выход – в конце концов, всё равно будешь обречён, ведь я в мокрой промороженной одежде и переодеться не во что. Нужен огонь! Только огонь!..» И тут его осенила идея: «А что если как первобытные люди извлечь огонь? Ведь без спичек добывали, с помощью кремня и сухих палочек. Да что там первобытные, и в современном мире история знает случаи, когда люди оказывались один на один в необитаемых местах, без средств получения огня, но получали же его и выживали. Кремня у меня нет, но есть сухие дрова и палки-коротыши от веток деревьев, хворост, всякая сухая мелочь. Вот моё спасение! – рассуждал Макар. – Да, эта затея малоперспективная, но она единственная, которая может мне помочь, нужно лишь усердие, и всё получится. Получится! Обязательно получится!.. Только не стоять, действовать!..»

От бывалых таёжников как-то слышал, как устраиваются трупы, каким образом люди без спичек получали огонь. Способ простой, не требовавший особых навыков и конструкций. Нужны лишь подручные кое-какие сухие материалы, упорство и терпение.

От вблизи стоявшей берёзы содрал тонкий трепещущий на ветру кусочек бересты и зашёл в зимовье. Взяв лежавшую при входе толстую из кедра разделочную доску, Макар решил приспособить её под трут. Ножом выбрал достаточное углубление. У остывшего очага лежали сухие дрова. Подобрал подходящую по диаметру хворостину, он оледеневшими пальцами ножом срезал сучки и неровности на её поверхности, сделал гладкой. Подправил один торец, которым нужно будет упираться в трут. Палка для трута была готова.

У основания избушки торчал мох, служивший утеплителем. Отщипнул сухого мха, затем расслоил бересту ещё тоньше, размельчил и всё это аккуратно сложил в трут. Сюда же добавил и самую тончайшую струганную из-под ножа стружку. Усевшись на корточки, Макар упёр палку в трут, ногами же прижал кедровую доску с трутом и начал катать палку меж ладонями.

Его устремления и неистовое вращение вокруг оси палки-буравчика позволили на некоторое время как бы забыть о холоде. Ладони стали нагреваться, передавали своё тепло на руки, а надежда на успех получить искру придавала уверенность в осуществлении задуманного.

Макар понимал: получить желанное возгорание – это дело длительное и потребует от него настойчивости и много усилия. Дело кропотливое, но вынужденное, необходимое. «Сотру ладони до костей, но буду вращать! Мне ничего, кроме вращения этой палки, не поможет. Если пойду пешком из тайги в таком состоянии, это верная гибель – околею... Отсюда до посёлка примерно сорок пять километров, это ж шагать целый день, да ещё в ночь и по бурелому, нет, не осилю...» – размышлял Макар. Такие мысли его не пугали, а больше призывали: «Надо вращать, вращать, вращать!»

Уже около полутора часов Макар крутил заветную палку, смотрел непрерывно на трут. Палка натёрла мозоли на ладонях, стало жечь пальцы. Превозмогая боль, он продолжал работать. Остановиться – значит прекратить процесс нагревания, и тогда трут сразу остынет, и надо будет тереть снова. «Буду вращать, пока не умру! Вращать до конца, пока жив! Не останавливаться ни на миг! Работать! Работать!...» – терпя жгучую боль, твердил Макар. От напряжения заныли руки и предплечья, занемела поясница, ноги отекли и замёрзли, но вращение своеобразного буравчика он не прекращал ни на секунду.

«Да сколько же крутить это веретено? Должно уж два часа верчу, а толку...» – удручённо сокрушался Макар, но продолжал с упорством своё дело.

Прошло ещё сколько-то времени, и тут он увидел, как трут наконец-таки ожил – появился слабый дымок, тоненький и колыхался, словно от брошенного не затушенного окурка сигареты. Макар остервенело, с ещё большим усердием принялся вращать палку. Дымок усилился, затлела тонкая береста и мох, и тут сухой материал воспламенился, взялся маленьким огоньком. Душа возликовала!

Осторожно, чтобы не уронить трут и не угасло возгорание, дрожащими руками Макар приблизил трут к губам, легонько подул, отчего родившийся огонёк ожил, и он поднёс его ближе к печке. Кровоточащими пальцами переместил в топку воспламенившуюся стружку к загодя приготовленной бересте с тонким сухим хворостом. Огонёк лизнул бересту, она взялась небольшим пламенем, и огонь начал хватать сухой хворост. Он разрастался, набирал силу, и уже можно было подкинуть настроганные лучины и ломаные ветки.

– Есть! Я получил огонь! Получил!! – вырвался из глотки Макара охвативший восторг. Умиротворённая тайга, окружавшая зимовье, от его крика как встрепенулась – голос эхом отозвался в распадке. Можно было подумать, это зарычал раненый зверь, отчего таёжная живность, вероятно, насторожилась. Макар ликовал, не ощущая холода в теле и боли на ладонях от содранной кожи, он видел перед собой родившийся очаг, ощущал его тепло и живительную силу.

Дрова в печурке трещали от огня, он дышал жаром. Зимовье наполнилось благотворным теплом и обрело уют. Макар разделся, развешал одежду, накинул на плечи кусок старой оленей шкуры, что лежала на лежанке, присел к печке. В блаженстве от охватившей его теплоты, он смотрел на пламя, на свои руки, думал.

Сколько же раз он растоплял печь в доме, в котором проживал с семейством и в зимовье угождая, разводил костёр в тайге, но ни разу не задумывался об огне. Это естественная потребность человека и она обыденна и повседневна. И что над этим задумываться? Только в эти минуты он по-особому осознал цену огня, его горячий трепет и нежность.

«Каков же он желанный, радуется искрами и пламенем, как приятно глядеть на него и чувствовать его дыхание. Он может обдать теплом, обласкать и дать жизнь наряду с тем, что способен обжечь и уничтожить человека. Огонь – это стихия, могущая спалить всё вокруг, и это добро, способное обогреть и спасти. И какое же горе, если этого огня нет, когда надежды его обрести борются с отчаянием перед неминуемой гибелью...» – размышлял Макар.

Замершие было конечности от согревания ныли – кровь устремила́сь достичь остывших кровеносных сосудов, проникала в каждый капилляр. Ноги и руки вскоре отошли, тело согрелось. Одежда высохла, и Макар, облачившись в сухое бельё, наконец-то с удовлетворением отметил: «Не пропал, значит, будем жить!..»

«Да-а, что было, то было...» – Макар тихо встал с нар, вышел на улицу. Гром дремал и тут встрепенулся, вскочил на четыре лапы, глянул на хозяина, повёл ушами. Лосев проверил лошадей, вернулся и улёгся, заснул сразу.

Глава 8

На рассвете первым проснулся Макар, глянул на своих спутников, а теперь сказать единомышленников – членов бригады, он громко скомандовал:

– Подъём, старатели! – откинул от себя суконную куртку, резко встал, потянулся и вышел на улицу. Гром встретил радостным лаем, лошади мирно жевали траву. Утро выдалось солнечное, тихое, безмолвное. Роса блестела на каждом листочке, распутившихся веточках кустов и деревьев, камни отдавали влажностью и прохладой. Макар знал: это ненадолго, под лучами небесного светила это исчезнет и будет даже припекать, таков уж климат Сибири – весна и лето жаркие, а зимы суровые, холодные, благо ветра мало – защищают сопки.

Хрусталёв, Гребнев и Груздев себя ждать не заставили, поднялись с нар и пошли умываться к ключу. Холодная вода в момент отбросила остатки сна, взбудрила.

Завтракали на улице, а Гром наблюдал – ждал, когда же перепадёт и ему. Напоили лошадей, проверили груз, посмотрели, не забыли чего, и снова отправились в дальнейший путь.

Солнце подошло к зениту, когда члены вновь испечённой артели подошли к речке, на которой и располагался приисковый участок гидравлической добычи. Тот самый, на котором и предстояло заниматься старанием. Вдали через просветы деревьев завиднелись нехитрые постройки и потревоженная горными работами земля.

– А вот и наше сезонное пристанище, и поле деятельности, – объявил Лосев.

Все оживились – наконец-то добрались!

В посёлке послышался лай собаки, и Гром словно сорвался с цепи, кинулся вперёд, не разбирая дороги, перепрыгивая через кустарник.

Остановить пса Лосеву не удалось. Окрики не помогали, Гром, будто не слышал хозяина. «Только бы сторожей не покусал!» – взволновался Макар.

Подошли. Из избушки вышли двое пожилых мужичков. Поздоровались.

– И куда ж народ путь держит? – спросил один из них.

– Прибыли сюда для работы, – ответил Лосев.

– Хм, так то ж разрешение надобно, – подозрительно глянул второй.

– Есть такое разрешение, – Макар неспешно из полевой сумки достал лист бумаги, заверенный печатью прииска, и передал в руки сторожу.

Тот внимательно ознакомился с содержанием документа и промолвил:

– Стало быть, старатели.

– Выходит так, – подтвердил Макар, забрал документ и вложил его в сумку, но извлёк другой. – А вот копия приказа вашего директора передать нам имущество по акту и можете отправляться до посёлка.

Вторая бумага была так же скрупулёзно изучена сторожем, и он напарника известил:

– Смотри-ка, Данилыч, смена прибыла.

– А оно и лучше, Микула. Довольно прозябать, дома делов куча цельная, да и продук-тишки уже на исходе, – обрадовался Данилыч. – Сядне с дороги отдохните, а завтра с утречка и разберёмся, как подпишем акт этот самый, не откладая мы и тронем до дому. К осени глубокой нас иль других сюда пришлют, общественное добро-то руководство не оставит без надзора.

– Слышали, ваша собака залаяла, и мой пёс сорвался, как ошпаренный, где они? – поинтересовался Макар.

– О-о-о, – протянул мужик, что звали Микула. – Своего пса быстро не дождёшься.

– Чего так? – заволновался Лосев.

– Моя-то сукой будет, течка у неё началась, вот твой кобель-то с ума и сошёл – невесту увидел, пролетел стрелой мимо нас и до неё, а та в лес дура кинулась, то ли испужалась, то

ли покуражиться решила. Топереча пока не обработает, не успокоится, это ж то существо, что с того взять.

– Не потерялись бы, – заволновался Макар.

– Не переживай, наша псина тут за зиму и весну всю округу пометила. Так что хоть в ночь, хоть в ненастье дорогу домой найдёт, а кобель твой от неё не отстанет, прыткий уж больно. – Микула кивнул головой, приглашая гостей в избушку. – А пёс-то твой с виду ладный, если вязка получится, щенята хорошие будут.

– Получится, Гром своего не упустит, – рассмеялся Лосев и добавил: – Первого щенка от помёта оставишь мне.

– Оставлю, а как же, порядок знаю. Остальных продам, всё копейка какая к пенсии.

– Как перезимовали, как весну встретили, не тревожил кто? – спросил Хрусталёв.

– Беспокойств не было, тишь да гладь, – ответил Микула. – Кому надо в такую глушь пробираться, на кой. Окромя охотников, никого не было, в сторону своих угодьев след оставят и обратно так же. Им нет дела до нас, а нам до них. А весна дружно зиму сковырнула, речка, словно кипела, лёд крошила и несла потоком, знать к урожайному году, не иначе.

– Да дай бы бог, – поддакнул Данилыч. – Домой вертанёмся, старухам отсадиться поможем – огороды пора копать, картошку да мелочь разную высаживать. Она как весна взялась, в прошлые лета запаздывала, а ноне-то шибко уж зелень рано проклюнулась и листва распустилась.

Распрягли лошадей и оставили пастись. Вещи и продукты снесли в одну из изб, затем принялись определять хозяйственный груз: бензопилу, топоры, кирки, лопаты, скребки, промывочные лотки, молотки, гвозди и всякую мелочь.

– Что ж вы лопат и кайл навезли? Их в сарае цельное беремья, – удивился Микула.

– Своё оно и есть своё, приискового инструмента нам не надо. Спасибо что гидросооружения и бутары с тачками позволили использовать и ночевать есть где, а это для нас главное, – ответил Лосев.

– Ну-ну... – с безразличием буркнул в бороду Микула, продолжая из любопытства наблюдать, как мужики управлялись с доставленным имуществом.

Данилыч в это время топил баню. Решил прибывшим старателям приятность сделать, чтоб с долгого перехода попарились, усталость сняли, да и самим с Микулой погреть кости и помыться не помешало бы перед завтрашней дорогой. К тому же он нутром чуял, при таком внимании после бани гости водкой обязательно угостят, а это и душу убажит.

Оно так и произошло. Баня с вечерним ужином и горячительным напитком состоялась. Вели беседу, говорили на разные темы, у кого о чём «болит», угомонились поздно и ко сну отошли где-то к полуночи.

– Хватит керосин жечь, пора тушить лампу, и на боковую, – дал знать всем Лосев, и первый вышел из-за стола. – Пойду на коней гляну, да покличу Грома.

– А чего керосин беречь, в кладовой цельных две бочки стоят, – возразил раскрасневшийся от горячительных напитков и тепла в избе Данилыч.

– Чужого нам не надо, а своё беречь надо, – возразил Макар.

– Так ён же списан.

– Тогда другое дело, поживём, может, и воспользуемся.

Несколько раз крикнул Макар собаку, обращая свой взор в сторону леса, но пёс не отзывался. «Вот любовь закрутил, надо же...» – ухмыльнулся Лосев и принялся надёжней привязывать лошадей к жердине, служившей стойлом.

Ночь опустила над рабочим посёлком. Тишину нарушали лишь всплески речки, воды которой неслись мимо давно обжитого приискателями места.

Глава 9

На следующий день Микула и Данилыч, плотно поев перед дорогой, неспешно сложили свои нехитрые пожитки в мешки, приладили к ним ляжки, взвали их на плечи и, попрощавшись со старателями, тронулись в путь.

Собаки вернулись в посёлок ещё ночью, но их появление никто не слышал. Гром, с виду утомлённый, лежал подле бани и с безразличием наблюдал за подругой, покидавшей посёлок со своим хозяином. А когда сторожа и собака скрылись с глаз, он и вовсе потерял к ней всякий интерес. Зевнул и вроде как виновато смотрел теперь на Лосева.

– Что блудный, умаялся? Жрать поди хочешь?

Гром продолжал лежать, положил голову на передние лапы и пристально смотрел на Макара.

Прежде всего Лосев решил с утра провести ревизию сплотов, служившие для пропуска воды из русла речки. Заборный приёмник был установлен, как и положено, выше по течению и с минимальным уклоном для движения воды по массивному желобу к месту промывки пород. Он прошёл по днищу сплотов и видел: за зиму и весну доски ссохлись, и по всей их протяжённости имели щели. «Надо бы уже сейчас воду через них пустить, пока раздадутся, плотность примут, займёмся установкой бутар и инструмент подготовим, забой опробуем. Порода отошла – без мерзлоты, погода позволяет, чего волынку тянуть», – размышлял Макар, довольный надлежащим состоянием гидросооружения, и предавался благим раздумьям.

В кладовой посёлка кроме двух бочек керосина хранилось несколько канистр масел, ведро солидола и ёмкость с дёгтем, не насаженные на черенки лопаты и кайлы, три лома и ящик металлических скоб, много железных трафаретов и резиновых ковриков для бутар, несколько шахтёрских тачек. Тачки старенькие, но добротные, исправные, так что породу откатывать было на чём.

С обеда все и приступили к делам. Всё, что говорил Лосев и кому чем заниматься, исполнялось немедля.

Хрусталёв с Гребневым занялись заготовкой дров. Благо Лосев, будучи предусмотрительным человеком, прихватил с собой бензопилу. Два друга находили сухостой, валили его, на лошади, запряжённой в телегу, подвозили к посёлку. А здесь на чурки его распиливали ручной пилой, дабы экономить бензин. Колуном чурки кололи и складывали в поленницу.

Лосев же с Груздевым, прихватив с собой промывочный лоток и кирку с лопатой, направились на участок горных разработок.

Забой горных пород, оставленные приискателями прошлой осенью, от весенних паводков чуть оползли, но следы последних работ были видны, особо при плотике – неплотная скальная поверхность местами заглублена, вероятно, рабочие зачищали западения с наилучшим содержанием драгоценного металла, что называется «подбирали под метёлку».

Лосев окинул взглядом участок, приглядывался, думал: где бы начать опробование? Решил идти последовательно, не прыгать с места на место – то здесь, то там.

– Давай, Тихон, наскребай тут, – скомандовал Лосев и подставил лоток для его наполнения породой.

Тихон несколько раз ударил киркой о грунт, подцепил две лопаты и вывалил материал в лоток.

Макар, тут же взяв лоток в руки, подошёл к речке и принялся промывать содержимое. Тихон же с любопытством наблюдал за процессом и ждал результата.

Лоток в руках Лосева периодически наполнялся водой, от последовательных движений она разжижала породу, а когда Макар оттягивал лоток на себя, то муть и камушки смывались.

Так он повторял много раз, пока на дне лотка не остался мизер породы. А потом и мизер был смыт и на днище шевелился лишь мельчайший песок, среди которого оба заметили блестящие скудные золотишки.

– Есть значки! – обрадованно объявил Макар.

Тихон во все глаза разглядывал мельчайшие крупички, поблескивавшие на солнце.

– Что ж золото такое мелкое? Это сколько же нужно земли перерыть, чтобы на хлеб заработать, – разочарованно заметил Груздев.

– Такое как видишь. Чего нос повесил? Всего-то четверть ведра промыли. Это ж проба, а по ней можно судить, стоит ли в этом месте породу брать. Сейчас проверим все забои, и будет ясно, где нам лучше работать. Золото оно ведь не клад какой, копанул – и вот он горшок с драгоценностями, – рассмеялся Лосев. – Через бутару тачками прогоним, увидишь потом, каково настоящее золото, и крупное бывает, и самородки попадают. Оно и называются здешние месторождения – россыпные, золото, значит, россыпью в недрах залегают, словно крупа или бобы по размеру разные.

Убедительность Лосева в своём толковании вселила и в Груздева веру в успех предприятия. Для него это дело было новое, ранее не изведанное, а потому и предался обнадеживающим рассуждениям и даже представил себя зажиточным и независимым человеком.

В одном из уступов пробы оказались лучше, и Лосев принял решение добычные работы начать здесь.

Бутару установили как можно ближе, но и чтобы водосток со сплотов приходился прямо в него.

Глава 10

На следующий день все сообща выставили наилучшим образом бутару на низкие козлы-крепьши, уложили в неё резиновые коврики, а на них металлические трафареты – промывочный шлюз был готов. Состыковав несколько штук досок, а их в посёлке целый штабель, соорудили из них ходок для тачек. По рыхлому грунту с мелким камнем катить тачку, наполненную породой, невозможно, намучаешься, а воз с места не сдвинется. А вот такая малая механизация в самый раз – нагрузил – и кати по доскам, бежит тачка, только силы имей и сноровку, толкай и сдерживай, чтоб не опрокинулась.

Лосев объяснил членам бригады, каким образом и что делать. Работа простая, но трудоёмкая.

Когда пустили воду в бутару, Макар перекрестился, сказав:

– Ну, мужики, помогай нам Бог!

Первым взял кирку и принялся кайлить породу. Остальные не отставали, кайлили с усердием. Вскоре взрыхлили часть забоя.

– Теперь за лопаты и тачки и айда выдавать на гора. Вы трое на погрузку и откатку до бутары, я же буду прогонять пульпу по шлюзу. По мере погрузки и доставки породы, меняйтесь местами, так меньше усталость одолеет, – подсказал Макар.

По мере разгрузки тачек Макар скребком с усердием ворошил породу, а та, превращаясь в мутную пульпу, смывалась с бутары, камни разной фракции он скребком протаскивал и сбрасывал в хвосте шлюза, крупные отбрасывал через борт бутары.

Вода непрерывным потоком делала своё дело.

– Э, так с таким напором и золото может снести, – насторожился Гребнев. – Смотри, как породу размывает и несёт, да и ты, Макар, ещё подсобляешь.

– Не снесёт, золото металл тяжёлый, всё осядет в трафареты.

Сколько промыто тачек с породой Лосев считал, а как их стало четыре десятка, заметил – настало время вскрывать шлюз.

– Всё, пока стоп, пора делать первую съёмку.

Хрусталёв с напарниками оставили в покое кайлы, лопаты и тачки. Вытерли выступивший на спинах и лицах пот, подошли к Лосеву. Маленький перекур – и принялись впервые в жизни осуществлять подъём трафаретов. «Сколько же намыли?..» – витало у каждого в голове.

Макар скребком прошёлся по шлюзу, сбросил остатки породы, и вот уже на ковриках остался концентрат – золотосодержащий обогащённый песок. Воду отвели с бутары и взялись за коврики.

На всём протяжении шлюза размещалось около двух десятков ковриков, лежавших один за другим плотно один к одному. Поднимали два-три и высыпали в лоток. Лосев с ним тут же к речке и за промывку. Сидя на корточках, работал аккуратно, сосредоточенно, и его волнение передалось членам бригады. Все напряглись, ждали.

Наконец, когда же всё пустое, лишнее было смыто, все увидели матово-сверкающее с жёлтым оттенком золото. Оно было словно мелкая крупа, часть размером с пшено, рис и несколько с горошину, абсолютно разной формы – пластинчатые, сплюснутые, с порами и раковинами на поверхности, иные были гладкими.

Лица осветились.

– Есть первый металл! – воскликнул Макар и торжествующе глянул на напарников. Что в этот момент думали Хрусталёв, Гребнев и Груздев, Лосев не знал, но догадывался по их засиявшим глазам и довольным лицам.

Последующие концентраты дали аналогичные результаты. Радость переполняла души. Намытое золото высушили на противне над огнём. Взвесили. Весы показали тридцать восемь граммов.

Отобедав с большим аппетитом, работы продолжили. Со второй съёмки намыли чуть меньше – тридцать четыре грамма. В совокупности день даром не прошёл – семьдесят два грамма были ссыпаны в один мешочек.

За ужином только и было разговоров о первом дне съёмки. Оживлённо обсуждали начало старания, высказывали мнения, как бы не подвела погода, строили планы. Но больше интерес проявляли к возможному количеству намывки за сезон. Лосев больше слушал мужиков, нежели вступал в оживлённую беседу, когда же речь зашла о промывочном сезоне, а вернее, какой ждать от него результат, он высказался:

– Мужики, в таком разе прибегнем к математике. – Макар взял в руки карандаш и бумагу, чтобы что-то записывать. – До обеда мы промыли сорок тачек, это примерно четыре кубометра, если учесть объём тачки сто литров, – вписал он и продолжал свои расчёты: – После обеда столько же. Всего восемь кубов. Все граммы делим на кубы, получаем девять граммов на один метр кубический, таково среднее содержание золота в породе. Возьмём его за основу. Если каждый день, как сегодня, работать, в месяц должны получить два килограмма сто шестьдесят граммов. Сезон начали можно сказать с середины мая, закончим предположительно в конце сентября, то есть четыре с половиной месяца. Два сто шестьдесят множим на четыре с половиной, получаем девять килограммов семьсот двадцать граммов. – Макар подчеркнул цифру, дав понять, что их ожидает при таком раскладе.

– Здорово. Это ж на брата подели-ка, сколько выходит? – оживился с вопросом Груздев.

– Делим. Почти по два с половиной килограмма.

– Нормалёк. А можа и самородочек выскочит какой, знать, и больше нароем.

– Кто знает, может, и поднимем, но не говори гоп, пока не перепрыгнул. Слышал, находили на этом месторождении экземпляры крупные до килограмма, и более, так что будем трудиться и надеется. К тому ж содержание цифра не постоянная, может, значительно возрасти, может, и беднее стать.

– Последнее не хотелось бы, – отреагировал Гребнев.

– Всё, хватит балакать о пустом, что будет и как будет. Сколь в недра подземные пенаты золота спрятали, только им ведомо, – рассмеялся Макар. – Довольно, мужики, рассусоливать, на боковую, завтра вставать рано.

Глава 11

Два месяца работы, каждодневной натруженной. Усталость снимала два раза в неделю баня и отменное питание – для живота не жалели, труд тяжёлый требовал сил. И надо сказать, съёмки радовали. Золото шло хорошо, подняли и несколько небольших самородков по несколько десятков граммов. Металл ссыпали в трёхлитровый алюминиевый бидончик. Каждый раз с волнением наблюдали, как он наполнялся, закрывали плотно крышкой, обвязывали куском брезента и прятали на краю посёлка под крупной елью. Хранилище вырыли не особо глубокое, и оно прикрывалось сверху дерном. Незнающий человек пройдёт мимо и даже не обратит внимания – искусно замаскированная поверхность земли не выдавала, храня в себе достаток старателей.

Макар ежедневно вёл журнал – записывал вес намытого золота и нарастающим итогом проставлял суммарную цифру с начала ведения работ. За это время два раза переставляли бутару и меняли место забоя. Нащупали более богатую жилу, и съёмки улучшились. Три дня не работали – шли проливные дожди, когда выпадали мелкие осадки, темпы не снижали, не обращая внимания на морось.

Как-то Гребнев за ужином спросил Лосева:

– Макар, а если скрыть от прииска часть золота и самим этой утайке найти применение в сбыте, как ты на это смотришь?

– Побаиваюсь.

– Ведь никто, кроме нас, не знает, сколько мы намыли или намоем. Прииск же не насыпал его в наши забои.

– Во-первых, геологи знают ориентировочное содержание золота в песках, прибросят, посчитают, могут возникнуть сомнения. А как вылезет при сбыте что наружу, сроков не избежать. Нет, Борис, на такое пойти не могу и вам не советую. Я предупреждал: крысятничать – это последнее дело, больно последствия предсказуемые. Вы-то холостой народ, а у меня семья.

«Вот Лосев, до чего же честная личность, на таких правдивых воду и возят. Чего испугался, умыкнули – и всё тут, а там каждый по себе и сбывали бы, не сумел – засветился, сам и отвечай, а корешей-то зачем выдавать. В таком деле главное языком не лопотать и присматриваться, а без оглядки понятно, есть факт пострадать. При удачном же раскладе, карман от денег оттянулся бы, и прощай бедность, лови шик и блеск. Нет, отработаем сезон, а на следующий год сами, втроём мыть будем. Часть сдавать, остальное в свою кубышку, Хрусталёв с Груздевым в этом свои корешаны, так что всё отладим. А Лосев соберёт бригаду новую. В Ягодном народу хватает, подберёт, охочие есть люди», – рассуждал Гребнев.

– Ладно, замяли, так спросил. А почём прииск у нас золотняк примет?

– По два рубля за грамм.

– Не обманут?

– Договором прописано и печатью заверено.

– Бумага есть бумага.

– Не надо думать дурно, это же не царское время, когда золотопромышленники старателей обманывали или вовсе без расчёта спускали. Тогда бесправие было, а прииск – это ж государственное предприятие, и всё должно быть по закону.

– По закону, – язвительно повторил Хрусталёв. – Побывал бы ты, Макар, в зоне, поглядел бы тогда, как там законы выполняются, беспредел и управы нет ни на начальство, ни на охранников, а бывшие убийцы разводят такие порядки, только и смотри в оба, чтоб не подрезали, иль калекой не сделали. Согнут любого, коли не повиновался, в чём иль ответил не так. И дела нет никому, зона живёт своей жизнью, и за колючкой знать не знают, кто кого там закручивает.

– Не к месту сравнил зону с правоотношениями старателей и прииском, там порядки тюремные, а совесть лежит на тех, кто незаконно творит, придёт время, и там строй наведут. У нас же всё по-честному сладится, сколько заработаем, столько и получим, – возразил Лосев.

В конце августа все сидели в избе, после трудов и, напарившись в бане, хлебали суп, пили чай. Макар как обычно взялся за свой журнал и вписал очередную съёмку металла и тут оживлённо встрепенулся:

– Ребятки, могу поздравить: на сегодняшний день нами намыто двенадцать килограммов, а если точнее – двенадцать килограммов и сто пятьдесят три грамма. Если дальше так пойдёт, почти до пуда дотянем.

– А чего и дотянем, месяц впереди. И смотри, какую закопушку надыбали, если б ещё пару таких – и больше сорвать можно, – размечтался Гребнев.

– Только бы заморозки раньше времени не нагрянули. Шуга пойдёт и раньше заставит закругляться. – Лосев закрыл журнал и предложил Гребневу сходить вместе спрятать бидончик с золотом в тайник.

– Прикинь, с каждым днём всё тяжелее. – Борис нёс бидончик в прекрасном настроении. – Будет ноне девок, чем соблазнять, ух, жизнь закручу!

– Чего ж до сего времени не женился? – поинтересовался Макар.

– Сначала балду гонял, дурью маялся, потом попал в детскую колонию за кражу, освободился, устроился на работу, снова чёрт опутал – сблатовал один друг на дело – квартиру грабануть, да осечка вышла – попались, снова тюрьга, вот и вся моя биография. Хотя девица одна есть, ждёт меня окаянная, призналась: какой ты ни есть, а что-то притягивает меня к тебе, говорит, куда хочешь, с тобой поеду.

– Так сыграл бы свадьбу, глядишь, и жизнь по-иному сложилась. Характером-то покладистая дама, не капризная?

– Не сказать, чтоб красавица, но привлекательная, мозги на месте, правда, доверчивая, но отчаянная. Пока сидел, замуж выскочила, учёбу в институте забросила, разошлась, одна говорит радость у неё – детей от замужества не заимела, кто с ребёнком замуж возьмёт. Была ране история с ней заковыристая, так удалось ей выпутаться. Рассказывала, слезами заливалась, натерпевшись, а потом от брака неудачного ко мне душой прикипела.

– Какова же история с ней приключилась?

– Долго рассказывать, Макар. Как-нибудь в другой раз изложу, глазами только хлопать будешь.

Бидончик спрятали и зашагали в сторону избушки.

Хрусталёв вошёл в лесную хату, а Гребнев остался на улице, присел на лавку и закурил.

Сидел, задумался, и всплыли в памяти давно минувшие годы, в которые и произошла необычная история со знакомой ему девушкой по имени Лариса. После произошедших событий и когда она уже благополучно вернулась в Иркутск, она со всеми подробностями рассказала ему всё, что произошло...

Лариска окончила школу и хотела поступить в высшее учебное заведение, но на экзаменах провалилась. Вернуться домой в Нижнеудинск не захотела, понравился Иркутск. Город большой, многолюдный, много предприятий и организаций, трудоустроиться нет проблем, поработать год, а там попытаться вновь поступить в институт народного хозяйства.

Так получилось, познакомилась с девушкой-одногодкой Тамарой. Она из Тулуна и также завалила экзамены и осталась в городе. Родители, конечно, обеих девушек были недовольны их решением остаться в незнакомом городе, но те уговорили, заверив: снимут комнату, устроятся на работу и будут вместе жить и помогать друг дружке. Родители и отступили, мол, чего воз-

ражать, коли молодёжи самостоятельности захотелось, и посылали им деньги на нужды, пока с работой уладится.

Девчата скучать себе не позволяли – прогуливались по скверам, по берегу Ангары, ходили в кинотеатры, иной раз посещали танцы. Обе приглянулись двум приятелям. Молодые ребята работали на производстве. Пять дней занимали смены, а суббота с воскресеньем свободны, как, впрочем, и все вечера в будние дни. Встречаться ничто не мешало, и встречались, правда, не часто. Вместе гуляли в парках, ходили в кино, а иногда отдельно парами. Парня, что встречался с Тамарой, звали Егор Вершинин, а что дружил с Ларисой – Борис Гребнев.

Однажды, прогуливаясь днём по берегу реки, девушки остановились и с интересом смотрели на воду и прибрежные всплески. К ним подошёл молодой человек элегантный на вид.

– Вы так увлечённо смотрите вдаль, можно подумать разглядываете своё будущее, – улыбнувшись, сказал он.

– Да, представьте себе, разглядываем.

– И как оно выглядит?

– А вы, собственно, кто?

– Я? Простите не представился. Позвольте внести ясность: представитель крупной московской сети обслуживания. Зовут меня Константин. А вас как?

Девушки назвали свои имена и с удивлением глянули на нового знакомого – москвич!

– Вы так на меня смотрите, будто рассматриваете диковинный исторический экспонат.

Тамара и Лариса рассмеялись.

– Нет, просто удивлены. А чем вы здесь занимаетесь? – поинтересовалась Лариса.

– Веду оргнабор кадров на наше производство в Москве. Присматриваюсь к молодым людям, в основном девушкам, подходящим к установленным требованиям.

– И что же за требования? – У подруг, услышавших о наборе молодёжи в столицу, в глазах загорелся повышенный интерес.

Константин сделал паузу, как бы показать безразличие к заданному вопросу, а затем пояснил:

– Потребность в кадрах пока есть, но по сроку ограничена, всем, кто будет принятым, гарантировано проживание, а что касается требований к девушкам, это, прежде всего, иметь привлекательную внешность, быть стройными, общительными.

– А чего, Константин, на ваш взгляд мы соответствуем? – девушки улыбались и выжидающе ждали ответ.

– Вполне, вид респектабельный, я бы сказал подходящий. Но вряд ли у вас получится.

– Почему? – огорчились Тамара с Ларисой.

– Наверняка учитеесь или где-то работаете, родители, вряд ли отпустят, ухажёры перед поездом на рельсы лягут, – с последней фразой Константин рассмеялся.

– Мы девушки свободные, не учимся, пока без работы, а с ухажёрами повременим, если любят, подождут, да и вообще мы не будем в таком разе никого предупреждать, если мы вам приглянулись, – с жаром выдохнула Лариса и воскликнула: – Представляю – работа в Москве!

– Да, было бы здорово, но надо подумать, – отреагировала Тамара.

– А чего тут думать? Поехали! Только родителей пока в известность ставить не будем, пусть для них будет сюрпризом. Представляешь, как удивятся. А Егор с Борисом вообще ахнут.

– Правильное решение, вроде как в самоволку сбежали, – с улыбкой одобрил новый знакомый.

– А что же за работа?

– Разная. Сфера обслуживания обширная, и всё зависит от индивидуальных способностей каждого, а это уже рассматривается на месте, при собеседовании в отделе кадров и начальством.

Константин обрисовал девушкам в общих чертах разновидность занятий, посоветовал, если решили, то не тянуть время, а поторопиться. Пообещал купить им билеты на поезд, проводит на вокзале и позвонит своему коллеге, чтобы их встретили на московском вокзале, а тот всё устроит как надо. Расставаясь, Константин дал номер телефона, по которому они ему сегодня должны позвонить о своём окончательном решении, и тогда он будет заниматься ими.

После того как подруги расстались с Константином, они долго не раздумывали и через два часа позвонили ему о своём согласии, их просто распирало нетерпение.

Константин на самом деле купил билеты и на следующий день девушки отбыли на поезде из Иркутска до Москвы, никого не предупредив.

По прибытии в Москву, их на вокзале встретил высокий молодой мужчина. Одет он был в серый костюм, белая сорочка с галстуком, выглядел элегантно, улыбался и своим видом внушал доверие.

– С прибытием, красавицы. Вы и есть Лара и Тома? – девушки кивнули с любопытством, разглядывая мужчину. – А я тот самый Геннадий, можно просто Гена, мне поручили вас встретить. Сейчас я вас отвезу в гостиницу, там уже съехалось немало желающих на трудоустройство, и с вами побеседуют, а там уже определят, в какую конкретно сферу деятельности вас примут. Вы девчата симпатичные, так что, думаю, вам повезло – шикарное место обеспечено. Кому-либо говорили об отъезде в Москву для трудоустройства?

– Нет.

– И правильно умолчали. Кто хвастает преждевременно, у тех мечты не сбываются. Сделал дело, а потом трезвонь.

Геннадий вывел девушек с платформы и сопроводил до привокзальной площади. Открыл дверцу легковой машины, пригласил сесть на сиденья, дверцы закрыл, а сам сел за руль. Машина тронулась. Подруги были в восторге – их не обманули, встретили, мужчина приветливый, очаровательный, едут на шикарном автомобиле по столице и разглядывают окрестности Москвы.

– Кстати, паспорта у вас далеко? – спросил Геннадий.

– В сумочках.

– Прекрасно. Вы достаньте их и отдайте мне, чтобы, как приедем, не терять время на ваше оформление.

Девушки отдали документы и продолжали через окна автомобиля любоваться достопримечательностями города.

Когда же подъехали к гостинице, Геннадий вышел из машины и к нему подошли двое таких же элегантно-одетых мужчин, но по возрасту старше Геннадия.

Они о чём-то накоротке переговорили, и один из них, приветливо улыбаясь, предложил девушкам пересесть в другой автомобиль.

Тамара и Лариса безоговорочно пересели, и машина покатила дальше. Девушки, спохватившись, что паспорта остались у Геннадия, воскликнули:

– Наши паспорта у Гены, он забыл нам отдать!

– Чего так встрепенулись, милашки, они и должны быть у него. Как вас оформит в гостиницу, привезёт и вернёт, а пока доедем до руководства.

Девушки успокоились, хотя где-то в глубине души у обоих чуток ёкнуло – что-то не так. «Ведь Геннадий говорил: сначала оформит в гостинице, а потом повезёт на собеседование. А тут без паспортов везут в какую-то контору. Как же можно беседовать и устраивать нас на работу без документов?...»

Ехали, и минут через тридцать машина затормозила во дворе малоэтажного жёлтого здания. Девушек попросили выйти из машины и проводили в подъезд дома, затем провели на второй этаж, позвонили в дверь. Им открыла дама средних лет, с накрашенной внешностью, за её спиной появился крупный на вид мужчина, через костюм даже можно было предположить

у него накаченные мускулы, вероятно, занимается тяжёлой атлетикой, а может и от природы таким вымахал. Вошли, дверь сразу заперли на ключ, и это ещё более насторожило подружек.

– Принимайте товар, – сказал один из сопровождавших.

Женщина оценивающе глянула на девушек, и через плечо бросила амбалу:

– Рассчитайся.

Тот достал из внутреннего кармана пиджака пачку денег, отсчитал несколько купюр и передал в руки тому, кто объявил «принимайте товар». Тамара и Лариса успели заметить, что деньги были не советские, вроде такие, какие они видели на картинках и снимках в одном иностранном журнале – доллары. Такие журналы являлись редкостью, было не принято или запрещалось их хождение по стране, и так запросто ими не воспользуешься. Как-то при проявленном любопытстве им представился случай полистать страницы издания у одного незнакомца. Человек шёл по парку и присел на лавочку, где сидели девушки. Достал из портфеля журнал и стал его читать. Подруги заинтересовались необычным типографическим ярким оформлением журнала и попросили посмотреть, им не отказали...

– Проходите в большую комнату и располагайтесь, – предложила женщина, сама же удалилась в другую, и слышно было, как она по телефону кому-то звонила, говорила с кем-то о каких-то апартаментах и сроках их ремонта.

Когда подружки вошли в зал, то увидели четырёх симпатичных девушек, сидевших на диване. Бросилось в глаза – они не в восторге, что находятся здесь, – на лицах растроганность и даже откровенный страх. Сердечки Тамары и Ларисы учащённо забились. «Явно что-то здесь не так... Куда мы попали? Что всё значит? Почему нас привезли на какую-то квартиру, а не в контору или гостиницу? Где начальство или сотрудники отдела кадров? Документов пока не вернули...»

– А вы, девушки, тоже ожидаете трудоустройства или вас уже оформили? – спросила Лариса.

– Ага, считайте и вас уже оформили, – ответила одна из девушек.

– В смысле? – насторожилась Тамара.

– В прямом. Попали вы с вами в такую задницу, что мама не горюй. Мы такие же дуры, как и вы, клюнули, поверили и поехали в Москву, а тут...

– Что тут?

– В публичном доме хотят нас использовать, в проститутки записали.

– Как? – в один голос ахнули Тамара и Лариса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.